

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 6 № 2 2024

VOL. 6 No. 2 2024

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2>
2024. Том 6, № 2
2024. Vol. 6, no. 2

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 4,17 Мб

Подписано к использованию 30.09.2024

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 30.09.2024

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Language Studies
and Modern Humanities” and the author(s) of the material
in question.

Редактор М. С. Огуренкова
Корректор Г. А. Янковская
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка Д. В. Романовой

Санкт-Петербург, 2024

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	69
Лингвистика и прикладные аспекты исследования языка	70
<i>Андреева Д. Г.</i> Трехвекторная модель коммуникативного поведения блогера (на примере немецкоязычного научно-популярного YouTube-канала МАИТHINK X)	70
<i>Стахова Л. В., Дорохина А. П.</i> Транскреация культурных смыслов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: интерлингвистический vs интерсемиотический перевод	85
<i>Гузь М. Н., Павлова П. А.</i> Способы кодирования энигмата в малоформатных энигматических текстах (на материале немецкого языка)	92
<i>Ерофеев А. А.</i> Соотношение языка и власти: философский аспект	103
<i>Терещук А. А.</i> Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е годы ..	111
<i>Filyasova Yu. A.</i> Combinatorial collocations of the attribute PERFECT (insights from the British National Corpus)	121
Методика обучения иностранным языкам и лингводидактика	129
<i>Powell A. A.</i> The potential of task-based language teaching in developing university students' soft skills	129

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-Chief	69
Linguistics and applied aspects of language studies	70
<i>Andreeva D. G.</i> Three-vector model of the blogger’s communicative behavior (on the example of a German-speaking popular science YouTube-channel MAITHINK X).	70
<i>Stakhova L. V., Dorokhina A. P.</i> On conveying the cultural message of “Anna Karenina” by Leo Tolstoy: Interlingual vs intersemiotic translation	85
<i>Guz M. N., Pavlova P. A.</i> The ways of encoding of enigmat in small-sized enigmatic texts (on the material of German language)	92
<i>Erofeev A. A.</i> Interconnection of Language and Power: Philosophical aspect	103
<i>Tereshchuk A. A.</i> Religious component in Carlist political discourse in the 1830s.	111
<i>Filyasova Yu. A.</i> Combinatorial collocations of the attribute PERFECT (insights from the British National Corpus)	121
Methods of teaching foreign languages and linguodidactics	129
<i>Powell A. A.</i> The potential of task-based language teaching in developing university students’ soft skills	129

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Статьи, вошедшие в раздел «Лингвистика и прикладные аспекты изучения языка» очередного выпуска журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание», демонстрируют разнообразие проблематики, которая разрабатывается в современной лингвистике.

Так, интернет-лингвистика представлена статьей «Трехвекторная модель коммуникативного поведения блогера (на примере немецкоязычного научно-популярного YouTube-канала МАТНІNK X)» (автор Д. Г. Андреева). В статье предлагается модель коммуникативного поведения научно-популярного видеоблогера, опирающаяся на триаду дискурсивных компетенций, что позволяет автору систематизировать стратегии и тактики, характерные для научно-популярного немецкоязычного интернет-дискурса.

Статья «Транскреация культурных смыслов: интерлингвистический vs интерсемиотический перевод» представляет активно развивающуюся интерлингвокультурологию, которая позволяет авторам исследования Л. В. Стаховой и А. П. Дорохиной ввести в рамки анализа интерсемиотический, аудиовизуальный перевод, также перевод культуры и, в какой-то мере, диахронический перевод.

Авторы статьи «Способы кодирования энигмата в малоформатных энигматических текстах (на материале немецкого языка)» М. Н. Гузь и П. А. Павлова рассматривают семантически осложненные (требующие декодирования) тексты, служащие средством познания ребенком окружающего мира и способствующие систематизации его знаний о мире, что расширяет наши представления о разнообразии прагматического потенциала текста как основной единицы коммуникации.

В статье «Соотношение языка и власти: философский аспект» А. А. Ерофеев подходит к анализу дискурса власти не только как языка политиков, этой властью обладающих, но и как языка групп сопротивления. Исследование дискурса сопротивления позволяет рассматривать соотношение языка и власти более полно, с учетом социально-исторического контекста, когнитивно-философского осмысления концепта власти и прагматических установок использования языка разными социальными группами, что определенно вносит вклад как в дискурс-анализ, так и в политическую лингвистику.

Политическую лингвистику представляет и статья А. А. Терещука «Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е гг.». Автор впервые привлекает в качестве материала исследования политический дискурс карлистов (в частности, его лингвистическую составляющую), который не был предметом специального исследования как в отечественной, так и в зарубежной испанистике.

Новизна подхода к достаточно традиционному объекту в статье Ю. А. Филясовой «Комбинаторные связи атрибутива PERFECT (на материале Британского национального корпуса)» состоит в том, что впервые на материале корпусных данных были выявлены и детально описаны контекстуальные сочетания атрибутива perfect, представлена категоризация семантических полей на основе функционального анализа словосочетаний, содержащих лексему perfect в атрибутивной позиции.

В раздел «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам» вошла статья А. А. Повелл «Потенциал подхода к обучению иностранному языку, основанного на педагогических задачах, при развитии мягких навыков студентов вуза», в которой автор излагает результаты своего исследования в отношении восприятия обучающимися прогресса их жестких и мягких навыков в ходе обучения и приходит к интересным выводам, свидетельствующим о большом потенциале обучения, основанного на коммуникативных задачах, для развития не только жестких, но и мягких навыков.

Надеюсь, что обзор статей второго номера шестого тома журнала поможет вам сориентироваться в его содержании.

*Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*

УДК 811.112.2

EDN SEZISS

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-70-84>

Трехвекторная модель коммуникативного поведения блогера (на примере немецкоязычного научно-популярного YouTube-канала МАИТНІК Х)

Д. Г. Андреева ¹

¹ Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного,
194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, д. 3

Сведения об авторе

Дарина Геннадьевна Андреева,
ORCID: 0009-0002-9425-5065,
e-mail: Darinandrus@yandex.ru

Для цитирования: Андреева, Д. Г. (2024) Трехвекторная модель коммуникативного поведения блогера (на примере немецкоязычного научно-популярного YouTube-канала МАИТНІК Х). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 2, с. 70–84.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-70-84> EDN SEZISS

Получена 20 апреля 2024; прошла рецензирование 15 июня 2024; принята 10 июля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. Г. Андреева (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В данной статье рассматривается кейс комплексного анализа коммуникативного поведения блогера. В качестве материала исследования выступило видео научно-популярного немецкоязычного YouTube-канала МАИТНІК Х «Wissenschaftler irren». Контент данного блога определяется аббревиатурой MINT, которая расшифровывается как математика, информатика, естественные науки, а также техническое направление. Анализ выполнялся на основании триады дискурсивных неориторических компетенций по В. И. Тюпе: референтной, креативной и рецептивной. Данные компетенции находят реализацию в цепочках решений говорящего, именуемых стратегиями и тактиками, направленными на достижение как долгосрочных коммуникативных целей, так и локальных интенций автора. При анализе средств манифестации коммуникативных стратегий вербального и невербального поведения блогера выделялись те из них, что формируют контент выпуска, отвечают за формы авторства и различные способы учета фактора адресата в высказываниях. Результаты анализа позволили охарактеризовать научно-популярный блогинг как жанр, находящийся на пересечении двух типов дискурсов: научного и массмедийного, — и включающий в себя особенности каждого из них. Было выявлено, что он тяготеет к периферии научного дискурса, о чем свидетельствуют такие факторы, как отбор контента научной направленности, применение тактики интертекстуальности, использование аргументативного паттерна, соблюдение принципа прозрачности процесса получения знаний; и вместе с тем такие факторы, как реализация стратегий самопрезентации, диалогизации, привлечения и удержания внимания, применение тактик эмоционализации и интимизации, а также персуазивный характер транслируемого контента, позволяют отнести его ядро к массмедийному дискурсу.

Ключевые слова: Коммуникация Web 2.0, научно-популярный блогинг, YouTube, коммуникативное поведение, коммуникативные стратегии и тактики, полимодальность, полимодальный комплекс

Three-vector model of the blogger's communicative behavior (on the example of a German-speaking popular science YouTube-channel MAITHINK X)

D. G. Andreeva ¹

¹ S. M. Budyonny Military Academy of the Signal Corps, 3 Tikhoretskij Ave., Saint Petersburg 194064, Russia

Author

Darina G. Andreeva,
ORCID: 0009-0002-9425-5065,
e-mail: Darinandrus@yandex.ru

For citation: Andreeva, D. G. (2024) Three-vector model of the blogger's communicative behavior (on the example of a German-speaking popular science YouTube-channel MAITHINK X). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 70–84.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-70-84> EDN SEZISS

Received 20 April 2024; reviewed 15 June 2024; accepted 10 July 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. G. Andreeva (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The following article is breaking down the multi-step analysis of the blogger's communicative behavior. “Wissenschaftler irren” — the video from the YouTube-channel MAITHINK X served as a source of practical material for the research. The channel's content can be defined by the MINT-abbreviation which refers to such fields of knowledge as mathematics, informatics, natural and technological sciences. The analysis is based on the theory formulated by V. I. Tyupa that suggests analyzing social interaction via 3 competences: referential, creative and receptive ones. These competences find its implementation in the sequences of speaker's actions that are called strategies and tactics. They are aimed at achieving long-term communicative goals as well as speaker's short-term intentions. In order to sort out and substantiate the means of their manifestation in the blogger's verbal and nonverbal behavior such factors as communicative means of content generation, means of the narrator's representation in blogger's speech besides the means of the recipient factor inclusion should be taken into consideration. The results of the analysis enabled the following description: popular science YouTube discourse is a genre where scientific and social media discourses overlap. It has been ascertained that it tends towards the periphery of scientific discourse, as evidenced by the selection of scientific content, usage of intertextuality tactics, exploitation of argumentative pattern, compliance with the transparency principle of the knowledge acquisition; at the same time its central core belongs to the mass-media discourse which can be judged by the implementation of the self-presentation, dialogization, attraction and retention of attention strategies, usage of the emotionalization and intimidation tactics, as well as by the persuasive nature of its content.

Keywords: Communication Web 2.0, popular science blogging, YouTube, communicative behavior, communicative strategies and tactics, multimodality, multimodal ensemble

Введение

Цель настоящей статьи — анализ коммуникативного поведения языковой личности в сети посредством выявления используемых специфических коммуникативных стратегий и тактик и описания средств их манифестации. Анализу подвергается коммуникативное поведение блогера, рассматриваемое комплексно на примере видео *Wissenschaftler irren* (‘Ученые ошибаются’). Автором данного видеоролика является Май Тхи Нгуен-Ким — ведущая немецкоязычного научно-популярного YouTube-канала MAITHINK X¹, квалифицированный журналист с ученой степенью по химии (MAITHINK X 2024).

Новизна исследования заключается в применении компетентностного анализа для опи-

сания коммуникативного поведения представителя блогосферы и в систематизации стратегий и тактик, характерных для научно-популярного немецкоязычного YouTube-дискурса.

Актуальность исследования обусловлена растущим значением социальных сетей, пронизывающих каждую сферу жизни человека и контролирующими информационные потоки, обращенные к широкой аудитории. Многочисленные дигитальные платформы, на которых осуществляется массовая коммуникация, ставят под сомнение возможности рядового пользователя верифицировать достоверность транслируемого контента. Одной из наиболее популярных соцсетей является YouTube, где публикуются сообщения в видеоформате. Наибольшим доверием интернет-аудитории пользуется контент научно-популярных блогов, обличенных в привлекательную по форме «внешнюю оболочку». В роли транслятора научного

¹ До 01.01.2024 канал носил название mailLab.

знания выступает блогер — представитель экспертного сообщества.

Критериями отбора материала исследования стали показатели, свидетельствующие об успешной деятельности канала: количество подписчиков (более 1,4 миллионов) и общее количество просмотров (более 130 миллионов). Было выдвинуто предположение: блогер успешно пользуется своим коммуникативным инструментарием, отдавая предпочтение тем или иным средствам коммуникации.

Анализ основывается на неориторической модели коммуникативной стратегии, предложенной В. И. Тюпой. В ее основе лежат дискурсивные компетенции — референтная, креативная и рецептивная (Тюпа 2007), которые отвечают за проектирование контента, репрезентацию форм авторства и способы учета фактора адресата в высказываниях (Андреева 2022).

Основная часть

1. Референтная компетенция стратегии самопрезентации блогера

Отобранное для анализа видео было опубликовано в блоге в 2020 г. За время существования видео на канале оно набрало более 1,3 миллионов просмотров.

Контент выпуска анонсируется при помощи традиционного для YouTube-дискурса полимодального комплекса «превью + текстовая надпись поверх изображения + название ролика» (рис. 1).

Изображение блогера присутствует в превью, способствуя укреплению ассоциативной цепочки «модератор канала — транслятор контента». Май Тхи театрализованно использует объектный

антураж обложки (Москвин 2022): она одета в белый халат, являющийся устойчивой ассоциацией обывателей с внешним видом ученых.

Между вербальными компонентами полимодального комплекса прослеживается взаимосвязь: глагол *irren* и прилагательное *falsch* входят в единое семантическое поле «ошибочности», семантизируя, на первый взгляд, содержание видео. Формируется эффект обманутого ожидания реципиента: содержание видео не соответствует тематике анонса.

Личность блогера проявляется также в описании к видео, которое предваряет хештег *#realscience*. Он наделен персуазивной силой благодаря характеристике с семантикой истинности *real*, выраженной англицизмом. Модератор канала имплицитно указывает подписчикам на следующее: несмотря на то, что наука иногда ошибается, каналу Май Тхи можно доверять.

Текст описания к видео можно рассматривать как иллюстрацию лингвокреативности Май Тхи. Ссылаясь на представителей профессионального научного сообщества, она использует гендерно маркированную формулировку *Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler*, подчеркивая тем самым инклюзивность канала. В первой строчке применяется прием парцелляции, чтобы акцентировать внимание адресата на том, что блогер признает, ошибки в науке — распространенное явление — *irren. Ständig*. Модератор канала противопоставляет себя большинству, подчеркивая свою экспертность. Используя личное местоимение первого лица единственного числа *ich*, она превосхищает ожидания зрителей, обещая им объяснить, почему, несмотря на уязвимые положения науки, лично она ей доверяет.

Wissenschaftler irren

1,3 млн просмотров • 2 года назад

Рис. 1. Превью (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 1. Preview (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler irren. Ständig. [Ученые ошибаются. Постоянно.]
Und die Forschung hat Fehler und Schwächen. [И в исследованиях есть ошибки и уязвимые положения.]
In diesem Video will ich mich diesen Schwächen ausgiebig widmen — und erklären, warum ich Wissenschaft und Forschung trotzdem vertraue. [Это видео я бы хотела полностью посвятить этим уязвимым положениям и объяснить, почему несмотря на это я все-таки доверяю научным исследованиям.]

2. Креативная компетенция стратегии самопрезентации блогера

Аргументируя утверждение *Fast alle Hypothesen sind falsch* (Почти все гипотезы ошибочны), Май Тхи объясняет аудитории, что новые знания добываются методом проб и ошибок:

Ich meine, wenn man es schon wüsste, bräuchte man es nicht erforschen. [Я имею в виду, что, если бы человеку уже все было известно, у него не было бы необходимости проводить исследования.]

Комментарий от первого лица вводится при помощи структуры, подчеркивающей субъективность говорящего, *ich meine*.

В анализируемом выпуске отмечаются вкрапления разговорного стиля. Описывая такое явление, как *Publikationsdruck* ('Требование к ученым опубликовывать научные достижения'), она употребляет разговорную лексику *raushauen*, *krass* (DWDS... 2024).

Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler stehen unter hohem Leistungsdruck, gute Ergebnisse rauszuhauen. Das fängt spätestens in der Doktorarbeit an. Und wird nur krasser, wenn man danach versucht, eine Karriere in der akademischen Forschung zu verfolgen. [Ученые находятся под давлением добывать положительные результаты. Это начинается, самое позднее, во время написания докторской работы. И усиливается, когда ученый затем пытается построить карьеру в академической сфере.]

В речи блогера демонстрируется субъективность суждений. Критически оценивая эффективность диоксида хлора в борьбе с коронавирусом, модератор канала выражает личное мнение, а не точку зрения всего сообщества. Используются такие оценочные маркеры, как частица *natürlich*, наречие *zum Glück* (Zum Glück 2024). Данное лекарственное средство получает от Май Тхи номинацию «полного вздора». Существительное *Quark* (Quark 2024) употребляется в переносном значении и имеет уничижительную коннотацию:

Das ist natürlich großer Quark. Weil Covid 19 bei den meisten Patienten zum Glück mild verläuft und alleine weggeht, egal, ob man Bleichmittel schluckt oder Schweitzer Gletscherwasser mit halber Gurke trinkt. [Это, конечно же, полный вздор. Так как Ковид-19, к счастью, протекает у большинства пациентов в легкой форме и проходит самостоятельно, вне зависимости от того, глотает ли пациент хлорку или пьет воду из швейцарских ледников с половиной огурца.]

3. Рецептивная компетенция стратегии самопрезентации

Май Тхи обращается к аудитории на «ты», употребляет личное местоимение первого лица множественного числа *wir* в генерализирующей функции для обозначения общего когнитивно-дискурсивного пространства между блогером и подписчиками, причисляя последних к соавторам контента.

Nein, denn in anderen Bereichen unseres Lebens wo wir keinen wissenschaftlichen Methoden folgen, irren wir natürlich mindestens genauso viel. Und meistens viel mehr. [Нет, т. к. в других сферах нашей жизни, где мы не используем научные методы познания, мы, конечно же, так же много ошибаемся. А иногда еще больше.]

В выпуске присутствуют многочисленные театрализованные ироничные комментарии. Подводка к видео звучит следующим образом:

Einerseits genießt Wissenschaft gerade viel Aufmerksamkeit. Andererseits sind Sie auch genervt davon, dass Wissenschaftler ständig irren? Kommen Sie auch nicht mehr mit, weil die ständig ihre Meinung ändern? Dann haben wir die Lösung für Sie. Scheißen Sie auf die Wissenschaft. [С одной стороны, наука привлекает сейчас много внимания. С другой стороны, Вас тоже раздражает, что ученые постоянно ошибаются? Вы тоже не понимаете, почему они постоянно меняют свое мнение? Тогда у нас есть для Вас решение. Забудьте про науку!]

Вступительное слово намеренно оформлено в смешанном стиле, чтобы привлечь внимание реципиента. Официальное обращение на «Вы» сочетается с разговорной лексической единицей *nerven* (Nerven 2024). Финальное предложение включает в себе вульгарную лексическую единицу *scheißen* (Scheißen 2024). Блогер в шуточной форме предлагает подписчикам не следить за достижениями науки. Индикатором «подшучивания» является такой невербальный элемент коммуникации, как улыбка (рис. 2).

Рис. 2. Улыбка блогера (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 2. Blogger's smile (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Описанная выше тактика позволяет сократить дистанцию между адресантом и адресатом. Блогер демонстрирует солидарность с мнением большинства, благодаря чему устанавливается непринужденная атмосфера взаимного согласия.

Переходя к основному содержанию видео, Май Тхи просит подписчиков «заварить себе чашечку чая и устроиться поудобнее», тем самым подчеркивая неформальный характер интеракции:

Aber bevor ihr das in den Kommentaren loswerdet, holt euch einen Tee, macht es euch gemütlich. Das

haben wir heute alles noch vor. Los geht's! [Но прежде, чем вы напишете об этом в комментариях, **заварите себе чашечку чая, устройтесь поудобнее. Все это** нам еще предстоит сегодня. Поехали!]

Кроме того, на экран заблаговременно выводится содержание видео с указанием списка эпизодов, обретающих вербальную форму в речи модератора «*Das haben wir heute alles noch vor*» [Все это нам еще предстоит сегодня] (рис. 3). Указательное местоимение *das* в дейктической функции отсылает подписчиков в выведенному на экран плану:

Рис. 3. Список эпизодов (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 3. List of episodes (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Данная тактика свидетельствует об учете фактора адресата при подготовке выпуска и направлена на оптимизацию рецептивных возможностей аудитории.

Большая часть видео транслируется на фоне домашней студии (рис. 4), что способствует интимизации характера взаимодействия блогера с аудиторией.

1. Референтная компетенция стратегии диалогизации блогера

Под видео присутствуют многочисленные комментарии. Условно их можно разделить на три типа:

- Примеры посткоммуникативных действий подписчиков, к которым их стимулировал выпуск.

Пользователь @cupcake4060 пишет:

Immer wenn ich deine Videos schaue, bekomme ich selbst Lust in die Forschung zu gehen. [У меня каждый раз, когда смотрю твои видео, **появляется желание заняться исследовательской деятельностью.**]

В данном случае подписчик сигнализирует о своем желании так же, как и Май Тхи, заняться исследовательской деятельностью.

- Предложения подписчиков в отношении тем, которые могли бы быть развиты на канале в дальнейшем.

Пользователь @dave10993 пишет:

*Könnt ihr mal ein Video aus Wissenschaftlicher sicht über Migräne machen? Das Thema ist selbst bei den Fachärzten nicht wirklich einheitlich nachvollziehbar und helfen tut es leider nie wirklich... **Wäre cool.***

[**Могли бы вы** сделать видео про мигрени с научной точки зрения? Для самих врачей эта тема не до конца понятна и их помощь, к сожалению, не особо эффективна... **Было бы классно.**]

Данный подписчик просит снять видео — научное обоснование мигреней. Эмоциональность высказывания усиливается при помощи повторного использования модального маркера уверенности *wirklich*, формы сослагательного наклонения Konjunktiv II *wäre*, разговорной оценочной лексической единицы *cool* (Cool 2024). Разговорный стиль высказывания создает впечатление непринужденного разговора между блогером и поклонником МАИТНХ X, о чем сигнализируют стиливые маркеры *mal*, *cool*.

YouTube-пользователь обращается сразу ко всем работникам канала, используя личное местоимение второго лица множественного числа *ihr*, понимая, что за производством контента стоит целая команда.

Этот и предыдущий комментарии сопровождаются смайлами, подчеркивающими неформальный характер взаимоотношений между модератором канала и его аудиторией.

- Compliments блогеру и команде блога. Пользователь @MegaKillphill пишет:

*Mega Video wie immer. **Freu mich** für dich, dass du so hoch in den Trends gelandet bist.* [**Классное** видео, как и всегда. **Рад** тому, что ты оказалась так высоко в «Трендах».]

Преданный каналу подписчик радуется тому, что видео заняло высокие позиции во вкладке «Тренды» YouTube, которая позволяет отслеживать наиболее популярные и востребованные

Рис. 4. Домашняя студия блогера (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 4. Blogger's home studio (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

блоги в отдельно взятый промежуток времени. Похвала заключается в прилагательном с позитивной окраской *mega* (Mega 2024), свойственном языку молодежи.

Подписчики обращаются к Май Тхи и членам ее команды на «ты», принимая их за людей «своего круга».

Подводка к видео включает в себя риторические вопросы, апеллирующие к индивидуальному опыту реципиента, выражающие солидарность с бытующим в непрофессиональной среде мнением о том, что науке доверять не следует:

Andererseits sind Sie auch genervt davon, dass Wissenschaftler ständig irren? Kommen Sie auch nicht mehr mit, weil die ständig ihre Meinung ändern? [С другой стороны, Вас тоже раздражает, что ученые постоянно ошибаются? Вы тоже не понимаете, почему они постоянно меняют свое мнение?]

Введение интеррогатива данного типа в начале видео позволяет отметить актуальность поднятой темы для широкой аудитории и способствует усилению эффекта обманутого ожидания адресата. Название и интро видеоролика некоторым образом вступают в диссонанс с предъявляемым контентом; помимо «уязвимых положений» науки, блогер описывает ее достоинства. Медиатекст завершается подведением итога: науке все-таки можно и нужно доверять.

2. Креативная компетенция стратегии диалогизации блогера

В рассматриваемом видео активно используется тактика интертекстуальности. В разделе «полезные материалы» под значком (i) помещены три других видео MAITHINK X: *MMS ist Gift! Wirklich; Die Betrug an der Wissenschaft | #realscience* ('Чудесная Минеральная Добавка — это яд! Действительно; Обман науки / #настоящаянаука'); *Antidepressiva — ja oder nein?* ('Антидепрессанты — да или нет?'); видео с канала Май Тхи *The secret life of scientists*, развитием которого она занималась ранее, *Die 5 Phasen einer Doktorarbeit* ('5 стадий написания докторской диссертации'); а также видео с юмористического канала *Die Carolin Kebekus Show* ('Шоу Каролин Кебекус'), *Wissenschaftler haben auch Gefühle* ('У ученых тоже есть чувства'), представляющее собой карикатуру вечного противостояния в жизни ученого — рациональное против чувственного (*Die Carolin...* 2024).

MAITHINK X имеет возможность ссылаться на собственные выпуски как информационные

продукты, имеющие научную ценность. Тем самым поддерживается авторитет Май Тхи как носителя и транслятора научного знания и повышается уровень доверия к блогу.

Те же ссылки дублируются в инфобоксе в разделе *Eingeblendete Videos* ('Использованные видео'). Они объединяются в полимодальный комплекс «вербальный код в устной форме + вербальный код в графической форме + визуальный код», пример которого приводится ниже:

Jetzt stellt euch vor: eine Doktorandin hat ganz viel Zeit und Arbeit in ein aufwändiges Experiment gesteckt (рис. 5) und erhält ein nicht signifikantes Ergebnis. [А теперь представьте себе: докторантка посвятила очень много времени и сил одному сложному эксперименту и не получает значительных результатов] (рис. 6).

Несмотря на то, что отсылка к этому видео не присутствует в речи блогера эксплицитно, вербально актуализируется лексическая единица *Doktorandin* ('докторантка') — компонент лексико-семантического поля *Doktorarbeit* ('докторская диссертация'). Каждой из составных частей высказывания соответствует отдельное визуальное изображение, что упрощает реципиенту задачу моделирования ситуации.

Видео, вплетаемое в канву повествования, является визуально гиперболизированной версией происходящего в реальности, «закулисья» научной деятельности. Данная тактика способствует привлечению внимания подписчиков.

3. Рецептивная компетенция стратегии диалогизации блогера

В инфобокс помещены также ссылки на социальные сети блогера. Подписчикам предлагается перейти на сайт государственной площадки медиавещания Funk, на платформе которой ведется медийная деятельность Май Тхи Нгуен-Ким (рис. 7).

Данная тактика нацелена, с одной стороны, на расширение охвата аудитории блога, с другой стороны, таким образом проявляется стремление блогера к сокращению социальной дистанции между собой и подписчиками.

Видео содержит ряд предложений в повелительном наклонении со значением побуждательности. Они являются, преимущественно, просьбами модератора канала к аудитории воспроизвести ситуации, необходимые в отдельно взятом контексте. В следующем фрагменте блогер раскрывает сущность такого явления, как *HARKing* — *Hypothesis After Results Known*, т. е. подмены гипотезы исследования в зависимости от получаемых результатов. Май Тхи при

Рис. 5. Научный эксперимент (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)
Fig. 5. Science experiment (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

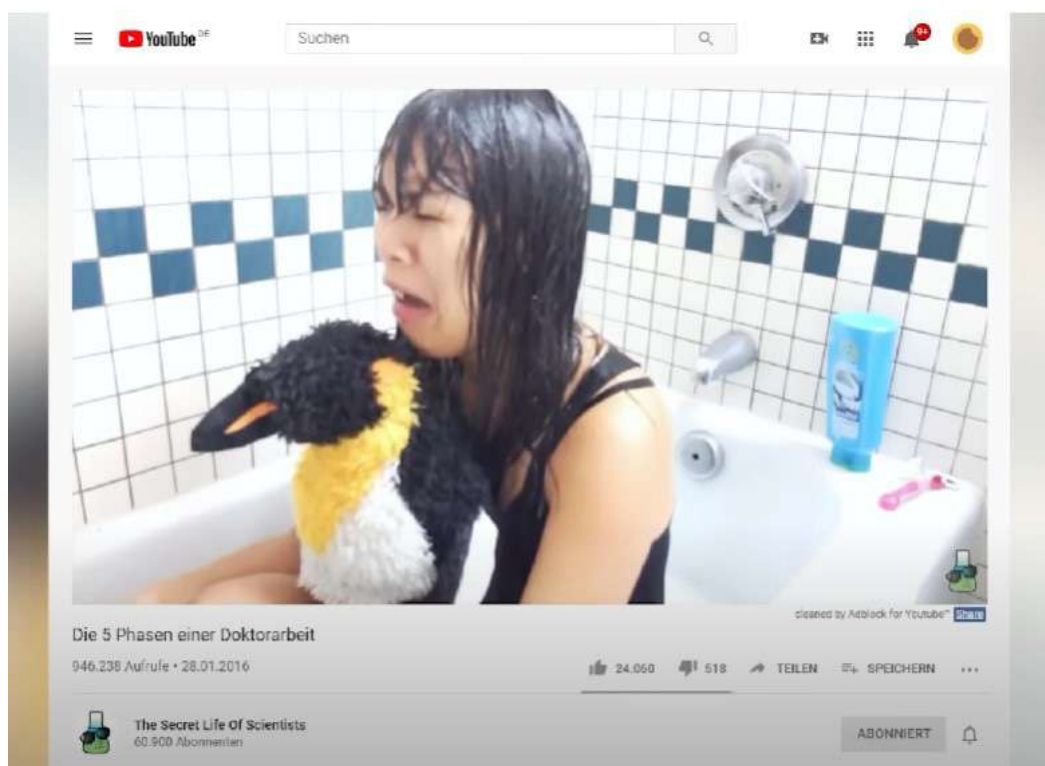

Рис. 6. Незначительные результаты исследования
(Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)
Fig. 6. Insignificant results of the experiment
(URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Рис. 7. Инфобокс (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 7. Infobox (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

этом апеллирует к способности подписчиков к мыслительным экспериментам:

Nehmen wir ein paar Beispiele, dann wird es klarer. Sagen wir, ich teste ein potentiell es zeigt leider nicht die erhoffte Wirkung über den Placebo-Effekt hinaus. [Возьмем несколько примеров, чтобы стало понятнее. Скажем, я тестирую одно новое лекарство, и оно не демонстрирует ожидаемого эффекта в сравнении с плацебо.]

Внимание подписчиков привлекается при помощи синтаксического параллелизма, содержащего глагол и местоимение первого лица множественного числа, объединяющих говорящего и слушающего в едином когнитивно-дискурсивном пространстве, *Nehmen wir, Sagen wir*.

Данная тактика придает взаимодействию диалогический характер; создается ощущение, как если бы адресант и адресат вместе создавали контент видео, несмотря на их разобщенность во времени и пространстве.

С той же целью блогером используются вопросы — призывы к посещению раздела комментариев в заключительной части видео:

Wie geht es euch nach diesem Video? Habt ihr mehr oder weniger Vertrauen in die Wissenschaft? [Как ваше настроение после просмотра видео? Теперь вы больше или меньше доверяете науке?]

Обращение с приветствием к зрителям и прощание с ними — важные фатические элементы каждого выпуска:

Wir sehen uns in zwei Wochen. Und bis dahin: bleibt sicher. [Мы с вами увидимся через две недели. А до тех пор: берегите себя.]

Блогер маркирует темпоральный аспект взаимодействия с подписчиками, анонсируя выход нового видео «через две недели», и в то же время апеллирует к их эмоциональной сфере, по-дружески желая им «поберечь себя».

1. Референтная компетенция стратегии персуазии блогера

В выпуске встречается аргументативный паттерн, а именно вопросно-ответная форма изложения контента. За использованием данной тактики скрывается интенция убедить реципиента в том, что у блогера есть ответы на все вопросы.

Иллюстрируя значение термина *Statistische Signifikanz* ('статистическая значимость') на примере введения тестовых и контрольных групп при разработке новых лекарственных средств, Май Тхи уточняет, может ли тот факт, что результаты двух групп незначительно отличаются друг от друга по окончании исследования, быть случайным.

— *Könnte das jetzt nur Zufall gewesen sein? — Klar, könnte* [Могло ли это быть просто случайностью? — Да, конечно.]

— *Die Frage ist, wie hoch ist die Wahrscheinlichkeit, dass das nur Zufall war? — Und dafür führt man sogenannte statistische Tests durch und ermittelt den sogenannten Signifikanzwert oder p-Wert.* [Вопрос в том, насколько велика вероятность, что это была просто случайность? — И для этого проводятся статистические тесты и выводится так называемая статистическая значимость или p-значение.]

Выше приведены два диалогических единства, посредством которых блогер ведет диалог одновременно с самим собой и с аудиторией. Они имитируют естественную устную коммуникацию. Ответ в первом единстве эллиптический, в нем присутствует лишь сказуемое *könnte*, в вопросе второго единства нарушается рамочная конструкция и сохраняется обратный порядок слов «*Die Frage ist, wie hoch ist die Wahrscheinlichkeit*».

В анализируемом выпуске широко представлен экспликативный паттерн. Блогер приводит следующее объяснение для понятия *p-Wert* (значения вероятности) — статистической

величины, используемой для верификации гипотез:

Man hat sich jetzt auf eine p-Wert-Grenze geeinigt, von der man sagt, so klein muss p mindestens sein, damit man überhaupt es anfängt, über eine Wirkung nachzudenken. Und zwar, liegt diese Grenze bei p gleich beziehungsweise kleiner als 0,05. (рис. 8). Erst dann betrachten wir einen Unterschied als statistisch signifikant. [Сейчас утверждена такая граница p-значения, о которой говорят, что такой должна быть ее минимальная отметка, чтобы вообще начать думать о наличии какого-либо воздействия. А именно, она должна равняться или быть меньше 0,05. Только в этом случае мы рассматриваем отклонение как статистически значимое] (рис. 9).

Сущность понятия раскрывается при помощи сочетания наречия меры и степени *mindestens*, наречия образа действия *so* с прилагательным *klein*, выполняющего функцию измерения примерного желательного значения статистической величины. При помощи вводных конструкций *und zwar, erst dann* фрагмент разворачивается далее, приобретая полимодальное наполнение (рис. 8, 9). Слова модератора канала подкрепляются текстовой инфографикой на нейтральном фоне. Математический символ «<» воспроизводится в речи блогера с целью задействовать больше полимодальных ресурсов для оптимизации восприятия контента.

Выпуск содержит ряд дефиниций, формулируемых Май Тхи в упрощенном виде. Тактика упрощения контента способствует расширению тезауруса реципиента. Ниже приводится де-скрипция термина *Auswahlbias* ('искаженных представлений при отборе и восприятии информации'):

Ein Bias beschreibt allgemein eine einseitige oder verzerrte Wahrnehmung oder Darstellung, die die

Realität nicht richtig wiedergibt. Beim Auswahlbias sehe ich nur eine bestimmte Auswahl, die aber nicht die vollständige Situation widerspiegelt.

[Искаженные представления описывают в общем одностороннее или ложное восприятие или воззрение, которое неверно отражает реальность. В случае искажения представлений при отборе и восприятии информации я вижу только одно конкретное направление выбора, которое, однако, не отражает всей картины целиком.]

Дефиниция строится на основе гиперо-гипонимических отношений, существующих между лексическими единицами *Bias — Auswahlbias*. Блогер следует принципу «от простого к сложному».

Значение первого компонента вводится при помощи глагола с семантикой описания *beschreibt*, значение второго компонента — посредством персонализированной формулировки от первого лица единственного числа *sehe ich*. Данная тактика направлена на заблаговременное устранение затруднений при декодировании высказывания.

2. Креативная компетенция стратегии персуазии

Эмоционально окрашенные высказывания позволяют подписчикам увидеть в научно-популярном блогере личность, обладающую собственным мнением. В следующем примере блогер дает оценку явлению *Auswahlbias*:

Und das ist schlecht, denn wenn etwas bei neunundneunzig von hundert Leuten nicht funktioniert hat, ist das natürlich viel nützlichere Info als der Bericht von dem einen Dude wo es geklappt hat. [И это плохо, ведь информация, что что-то не действует на девяносто девять человек из ста, конечно, намного полезнее, чем слова какого-то одного парня о том, что с ним это сработало.]

$p < 0,05$

Рис. 8. P-значение (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 8. P-value (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

statistisch signifikant

Рис. 9. Статистическая значимость (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 9. Statistical significance (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Данное явление оценивается Май Тхи отрицательно, что выражается при помощи прилагательного с негативной семантикой *schlecht*. Модальный маркер уверенности *natürlich* во взаимодействии с сочетанием оценочной частицы *viel* и прилагательного в сравнительной степени *nützlichere* подробнее раскрывают точку зрения модератора канала: некоторые считают успех в одном случае из ста более ценной информацией, чем девяносто девять неудач из ста. У Май Тхи на этот счет противоположное мнение.

Приведенное высказывание насыщено лексическими единицами разговорного стиля *Info*, *klappen* (Info 2024; Klappen 2024), а также англицизмом *Dude* (Dude 2014), приобретающим в контексте уничижительную коннотацию. Эмотивность данного фрагмента иллюстрирует неодобрительное отношение Май Тхи к «уязвимым положениям» науки и транслирует желание найти решение для их нейтрализации.

3. Рецептивная компетенция стратегии персуазии блогера

В выпуске модератор канала прибегает к тактике интертекстуальности в нескольких вариациях: Май Тхи ссылается не только на видео других YouTube-каналов, но и на статьи в прессе. Блогер придерживается позиции «лучше полное отсутствие данных, чем данные низкого качества»:

*Schlechte Daten sind schlimmer als gar keine Daten.
Weil zum Beispiel politische Entscheidungen dann*

mit gefühlter aber falscher Sicherheit getroffen werden. Diese und weitere Probleme werden in diesem Artikel kritisiert mit dem Untertitel „Krisen sind keine Entschuldigung, um wissenschaftliche Standards zu senken“. [Данные низкого качества хуже, чем их полное отсутствие, т. к., к примеру, политические решения потом принимаются с ошибочным чувством уверенности. Эти и последующие проблемы критикуются в подзаголовке данной статьи «Кризис — это не оправдание для понижения научных стандартов»] (рис. 10).

Указательное местоимение *diese* и прилагательное *weitere*, употребляемые в анафорической функции, участвуют в анонсе контента статьи, размещенной в научном журнале «Science.org», дигитальная версия которого выводится на экран. Следующее далее указательное местоимение в дательном падеже *diesem* употребляется в дейктической функции, сосредоточивая внимание адресата на демонстрируемом визуальном ряде. Заголовок публикации актуализируется в речи блогера и маркируется желтым цветом. Создается впечатление, что обработка материала осуществляется в момент просмотра видео. Анимация синхронизирована с произнесением названия статьи вслух.

Данная тактика позволяет повысить информационный вес видео, сблизить его структуру с организацией собственно научного текста, характерной особенностью которого является *Diskussion* ('диалогичность, дискуссионность') (Hennig, Czicza 2011), которая реализуется,

Рис. 10. Анонс статьи (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 10. Article preview (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

прежде всего, посредством цитирования. Тактика полимодального комплекса «вербальный код в устной форме + графический код с элементами визуализации», в свою очередь, облегчает восприятие транслируемого контента.

1. Референтная компетенция стратегии привлечения и удержания внимания

Анонс к видео посредством полимодального комплекса «превью + текстовая надпись поверх изображения + название ролика + текст описания видео», безусловно, выполняет роль катализатора, стимулирующего YouTube-пользователей к просмотру выпуска *Wissenschaftler irren*.

2. Креативная компетенция стратегии привлечения и удержания внимания

Превью является некой визитной карточкой блогера, позволяющей пользователям платформы оценить творческий потенциал блога и побуждающей их к началу просмотра.

В данном случае Май Тхи выступает на обложке выпуска одновременно в роли транслятора контента и ученого. Ее внешний вид вызывает у зрителей устойчивые ассоциации, во-первых, с образом ученого (рис. 11). Белый халат служит в массовой культуре символом принадлежности человека к профессиональному научному сообществу. Во-вторых, ее внешний вид служит отсылкой к общеизвестному факту, что Май Тхи является обладательницей ученой степени по химии. Данные сведения из биографии способствуют реализации в медиатекстах МАИТННК X принципов прозрачности процесса получения знаний и честности транслятора контента по отношению к аудитории (нем. *Transparenz, Ehrlichkeit*).

Символ «белого халата» относится к «объектному антуражу» (Москвин 2022, 48) блогера и является средством реализации тактики театрализации в выпуске. Данный способ презентации контента тесно переплетается с приемом иронии в видео, позволяя оптимизировать рецептивные возможности адресата и нивелировать очевидную степень научности материала.

3. Рецепттивная компетенция стратегии привлечения и удержания внимания

Содержательное наполнение речи блогера стремится к усредненности модуса формулирования (Андреева, Копчук 2020). Чтобы расширить возможности охвата аудитории в своем блоге, Май Тхи выстраивает свое речевое поведение так, чтобы стиль медиатекстов не был чрезмерно научным и в то же время не был снижен до обиходно-разговорного. По этой причине вербальный код выпуска насыщен англицизмами.

Например, предлагая шуточную гипотезу для иллюстрации алгоритма действий, собственных фальсификации данных, модератор канала употребляет англицизм *random* с семантикой случайности. Тем самым подчеркивается произвольный характер приводимого примера, иллюстративная сила которого увеличивается при помощи приема иронии, реализуемого в полимодальном комплексе «вербальный код + визуальный код» (рис. 12):

Hypothese: Schweizer Gletscherwasser mit halber Gurke hilft gegen Migräne (рис. 12). *Gut, so eine Hypothese ist jetzt sehr random aber sie ist testbar und das ist erstmal die Hauptsache.* [Гипотеза: вода швейцарских ледников с половинкой огурца помогает против мигреней. Отлично, такая гипотеза выбрана **произвольно**, однако ее можно проверить, и это самое главное.]

Wissenschaftler irren

1,3 млн просмотров • 2 года назад

Рис. 11. Белый халат (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 11. White robe (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Рис. 12. Иллюстрация гипотезы (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 12. Illustration of the hypothesis (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Чтобы упростить подписчикам задачу структурирования контента, предвосхитив их ожидания, видео разделяется на четыре составные части при помощи полимодального комплекса «вербальный код в устной форме + графический код + визуальный код» (рис. 13.1, 13.2, 13.3, 13.4). Физический образ блогера удаляется из кадра и его присутствие в этот промежуток

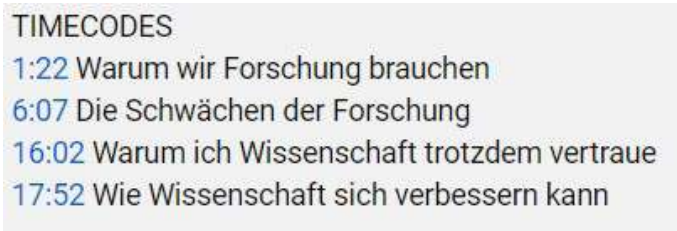
времени ознаменовывается по аудиальному каналу.

Пункты плана вербализуются в речи блогера и актуализируются также в описании к видео, где дополнительно указаны временные отметки начала каждого из эпизодов (рис. 14), что свидетельствует об учете фактора адресата при подготовке выпуска.

Рис. 13. Инфографика эпизодов видеоролика (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Fig. 13. Infographic of the video episodes (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Рис. 14. Временные отметки (Источник: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)Fig. 14. Time stamps (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DHyRaUeHcGY>)

Заключение

Успешная коммуникация языковой личности в Сети подразумевает реализацию коммуникативного поведения, отвечающего требованиям отдельно взятого типа дискурса, отражающего индивидуальность говорящего и учитывающего фактор адресата. Так, в рамках немецкоязычного научно-популярного YouTube-дискурса себя зарекомендовали такие коммуникативные стратегии, как самопрезентация, диалогизация, персуазия, привлечение и удержание внимания, которые, в свою очередь, реализуются в медиатекстах при помощи следующих тактик: интимизация, эмоционализация, персонализация, интертекстуализация, упрощение контента,

ирония, театрализация. Затронутые тактики и приемы тесно взаимосвязаны друг с другом и интегрируются во все вышеперечисленные стратегии. Полимодальные комплексы проявляют себя как рецептивные единицы трансляции научно-популярного контента.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Андреева, В. А. (2022) Коммуникация 2.0: стратегия самопрезентации в немецкоязычном научно-популярном блогинге. *Университетский научный журнал*, № 69, с. 13–22. https://doi.org/10.25807/22225064_2022_69_13
- Андреева, В. А., Копчук, Л. Б. (2020) Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах. *Научный диалог*, № 12, с. 9–25. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-9-25>
- Москвин, В. П. (2022) *Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения*. 4-е изд. М.: URSS, 162 с.
- Тюпа, В. И. (2007) Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки. В кн.: *Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: научно-методические материалы*. СПб.: Книжный дом, с. 9–73.
- Hennig, M., Czicza, D. (2011) Zur Pragmatik und Grammatik der Wissenschaftskommunikation. Ein Modellierungsvorschlag. *Fachsprache*, vol. 33, no. 1-2, pp. 36–60. <https://doi.org/10.24989/fs.v33i1-2.1380>

Sources

- Die Carolin Kebekus Show. (2024) *YouTube*. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCw-SjGVT0HK7czJkLgdv3Fw> (accessed 25.02.2024). (In German)
- MAITHINK X. (2024) *YouTube*. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/@maithinkx> (accessed 25.02.2024). (In German)

Dictionaries

- Cool. (2024) *DWDS*. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/cool> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Dude. (2024) *DWDS*. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/Dude> (accessed 25.02.2024). (In German)
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [DDGL — Digital dictionary of the German language]*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.dwds.de> (accessed 25.02.2024). (In German)

- Info. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/Info?o=info> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Klappen. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/klappen> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Krass. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/krass> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Mega. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/mega> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Nerven. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/nerven> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Quark. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/Quark> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Raushauen. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/raushauen> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Scheißen. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/schei%C3%9Fen> (accessed 25.02.2024). (In German)
- Zum Glück. (2024) DWDS. [Online]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/zum%20Gl%C3%BCck> (accessed 25.02.2024). (In German)

References

- Andreeva, V. A. (2022) Kommunikatsiya 2.0: strategiya samoprezentatsii v nemetskoyazychnom nauchno-populyarnom bloginge [Communication 2.0: The self-presentation strategy in German-language popular science blogging]. *Universitetskij nauchnyj zhurnal — Humanities and Science University Journal*, no. 69, pp. 13–22. https://doi.org/10.25807/22225064_2022_69_13 (In Russian)
- Andreeva, V. A., Kopchuk, L. B. (2020) Nauchnaya kommunikatsiya 2.0: osobennosti predstavleniya nauchnogo kontenta na nemetskoyazychnykh nauchno-populyarnykh YouTube-kanalakh [Scientific communication 2.0: Features of presenting scientific content on German popular science YouTube channels]. *Nauchnyj dialog — Scientific Dialogue*, no. 12, pp. 9–25. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-9-25> (In Russian)
- Hennig, M., Czicza, D. (2011) Zur Pragmatik und Grammatik der Wissenschaftskommunikation. Ein Modellierungsvorschlag [On the pragmatics and grammar of science communication. A modeling proposal]. *Fachsprache — Journal of Professional and Scientific Communication*, vol. 33, no. 1-2, pp. 36–60. <https://doi.org/10.24989/fs.v33i1-2.1380> (In German)
- Moskvin, V. P. (2022) *Ritorika i teoriya kommunikatsii. Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya [Rhetoric and communication theory. Types, styles and tactics of verbal communication]*. 4th ed. Moscow: URSS Publ., 162 p. (In Russian)
- Tyupa, V. I. (2007) Aktual'nost' novoj ritoriki dlya sovremennoj gumanitarnej nauki [The relevance of new rhetoric for modern humanities]. In: *Kommunikativnye strategii kul'tury i gumanitarnye tekhnologii: nauchno-metodicheskie materialy [Cultural communication strategies and humanitarian technologies: Science teaching resources]*. Saint Petersburg: Knizhnyj dom Publ., pp. 9–73. (In Russian)

УДК 81'255.2: 811.111

EDN QCOTUV

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-85-91>

Транскреация культурных смыслов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: интерлингвистический vs интерсемиотический перевод

Л. В. Стахова ^{✉1}, А. П. Дорохина ¹

¹ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10.

Сведения об авторах

Лариса Владимировна Стахова,
SPIN-код: 5765-5210,
ResearcherID: K-9193-2017,
ORCID: 0000-0002-0473-9967,
e-mail: larisastakhova@gmail.com

Анастасия Павловна Дорохина,
e-mail: drhnastya@gmail.com

Для цитирования: Стахова, Л. В.,
Дорохина, А. П. (2024)

Транскреация культурных смыслов
романа Л. Н. Толстого «Анна
Каренина»: интерлингвистический
vs интерсемиотический перевод.
*Исследования языка и современное
гуманитарное знание*, т. 6, № 2,
с. 85–91. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-85-91>
EDN QCOTUV

Получена 31 мая 2024; прошла
рецензирование 10 июля 2024;
принята 12 июля 2024.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Л. В. Стахова,
А. П. Дорохина (2024).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье освещаются подходы к сохранению культурно-исторической маркированности художественного текста, послужившего основой для экранизации, при интерсемиотическом и интерлингвистическом переводе. Определяются факторы, обуславливающие перераспределение смыслов в процессе перекодирования исходного текста и влияющие на их утрату и/или компенсацию. Сопоставительный анализ трех ипостасей текста — романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», экранизации на английском языке «Anna Karenina» (Великобритания, 2012 г., режиссер Джо Райт) и дублированного перевода экранизации на русском языке, выполненного студией «Пифагор», показывает, с одной стороны, степень нейтрализации исходных культурно-исторических параметров оригинала в экранизации при интерсемиотическом переводе, с другой стороны, приемы восстановления исходных культурных смыслов при интерлингвистическом аудиовизуальном переводе. Наряду с методом сопоставительного анализа использовались метод контекстуального анализа и метод лингвистического наблюдения и описания, позволившие определить вектор и стратегии трансформации культурных и исторических маркеров источника.

Произведение Л. Н. Толстого наполнено не только культурными смыслами, отражающими современную автору действительность, но и глубокими нравственно-философскими воззрениями писателя на общечеловеческие проблемы. В романе отражаются ценностные и моральные ориентиры русского общества последней трети XIX века.

Рассмотренные в статье примеры показывают, что параметры экранизации не позволяют в полной мере передать все многообразие заявленных в оригинальном тексте смысловых посылов, что обусловлено субъективными (степень понимания оригинала, умение и желание передать смысловую составляющую текста, прагматическая установка заказчика) и объективными (целевая аудитория, временные ограничения) факторами.

В свою очередь, ограничения аудиовизуального перевода (укладка в губы, привязка текста к кадру, тайминг, социолектность, псевдоустность и др.), также являясь объективным параметром, не препятствуют восстановлению культурных смыслов при дубляже.

Ключевые слова: культурно-исторический колорит, роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», экранизация, аудиовизуальное произведение, дубляж, интерсемиотический перевод, интерлингвистический перевод

On conveying the cultural message of “Anna Karenina” by Leo Tolstoy: Interlingual vs intersemiotic translation

L. V. Stakhova ¹, A. P. Dorokhina ¹

¹ Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia

Authors

Larisa V. Stakhova, SPIN: 5765-5210, ResearcherID: K-9193-2017, ORCID: 0000-0002-0473-9967, e-mail: larisastakhova@gmail.com

Anastasia P. Dorokhina, e-mail: drhnastya@gmail.com

For citation: Stakhova, L. V., Dorokhina, A. P. (2024) On conveying the cultural message of “Anna Karenina” by Leo Tolstoy: Interlingual vs intersemiotic translation. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 85–91.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-85-91> EDN QCOTUV

Received 31 May 2024; reviewed 10 July 2024; accepted 12 July 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. V. Stakhova, A. P. Dorokhina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The study addresses the issue of conveying the cultural and historical message of the original novel used for film adaptation. The factors causing the rearrangement of the original ideas in intersemiotic and interlingual translation are being defined. The paper aims to compare three text forms — the original novel “Anna Karenina” by Leo Tolstoy, its screen version “Anna Karenina” directed by Joe Wright, 2012 and the Russian version of the adaptation dubbed in “Pythagoras Studio” — to illustrate the loss of the cultural and historical colouring of the source text in intersemiotic translation and the restoration of the original meaning in interlingual audiovisual translation. The study is based on such scientific methods as contextual analysis, comparative analysis and the method of linguistic observation and description.

The novel “Anna Karenina” is full of cultural and historical markers as well as moral and philosophical ideas of the author reflecting the social and moral values of the Russian society of the XIX century.

The examples prove the inability of the film adaptation to render the meaning of the original text in full due to subjective (the ability to understand the original, the desire to convey it, etc.) and objective (the target audience, the timing, etc.) factors.

At the same time the requirements of dubbing (lipsync, timing etc.) though being tough objective factors as well do not prevent the restoration of the cultural and historical colouring of the source text.

Keywords: cultural and historical coloring, “Anna Karenina” by Leo Tolstoy, film adaptation, screen version, audiovisual text, dubbing, intersemiotic translation, interlingual translation

Введение

Процесс создания экранизации художественного произведения, традиционно рассматриваемый в научной литературе как интерсемиотический перевод, определяется рядом факторов. Среди них можно отметить сложность, многоплановость и лексико-стилистическое своеобразие оригинального текста, положенного в основу экранизации; философско-нравственные воззрения автора художественного произведения и способность или готовность режиссера воспроизвести позицию автора; прагматическая установка создателей фильма и характер целевой аудитории; условия финансирования проекта и др. Следовательно, говорить о каких-либо разработанных критериях или нормах создания экранизации художественного произведения не приходится, так как условия реализации каждого проекта слишком разнятся. Тем не менее П. Кэтрисс отмечает две общие взаимоисключающие тенденции экранизации — упрощение

сюжета оригинала (‘narrative simplification’) и усложнение сюжетной линии (‘narrative complexification’) (Cattrysse 1992, 57).

Оригинальный текст интерпретируется не как источник для реконструкции, а как модель, в определенной степени определяющая конечный продукт. Соответственно, любая экранизация эксплицирует оригинал лишь частично, некоторая его часть может быть представлена и имплицитно (Cattrysse 1992, 63–64), что зависит от умения интерпретатора «прочитать глубинные, не высказанные эксплицитно смыслы» (Леонтович 2010, 151). Частичная экспликация смыслов предполагает также их трансформацию, обусловленную факторами, перечисленными выше. Таким образом, экранизация, являясь результатом интерсемиотического перевода, представляет собой «серию интерпретаций, которые, в свою очередь, тоже становятся объектом интерпретации» (Леонтович 2010, 145).

Особенно отчетливо проблема экспликации и трансформации смыслов исходного

произведения проявляется при реализации в экранизации маркеров культурно-исторического колорита оригинала. В научной литературе отмечается, что если экранизация предназначена для интерпретатора — носителя той же культуры, что и автор оригинального текста, то «сочетание знаков в новом тексте в идеале должно производить тот же эффект, что и исходный текст» (Леонтович 2010, 145). Если же текст адаптируется к интерпретатору — представителю другой культуры, то, по мнению О. А. Леонтович, происходит «переозначивание культурных смыслов» (Леонтович 2010, 144), и создание образа зависит от режиссера и его умения понять смысл и культурно-историческую насыщенность оригинала. Не менее важным является вопрос последующей передачи культурно-исторических маркеров при аудиовизуальном переводе экранизации.

Сопоставительный анализ, представленный в работе, имеет цель проиллюстрировать последствия вольной трактовки оригинала при интерсемиотическом переводе и необходимость реставрации утраченных смыслов при интерлингвистическом аудиовизуальном переводе.

Маркеры культурно-исторического колорита романа в экранизации

Рассмотрим особенности репрезентации русской культуры в экранизации “Anna Karenina” (Великобритания, 2012 г., режиссер Джо Райт). Спецификой фильма является максимальная условность визуального ряда, обозначающего время и место действия. Режиссер использует псевдотеатральные декорации, что превращает экранизацию в подобие мюзикла с введением характерных для мюзикла массовых сцен. Из-за того, что в фильме практически полностью отсутствовали натурные съемки, культурно-исторический колорит эпохи обозначен очень своеобразно.

Репрезентация русской культуры осуществляется при помощи использования реалий-предметов в видеоряде, употребления имен собственных, географических названий, а также отдельных случаев употребления устаревшей лексики и русскоязычных вкраплений в речи персонажей.

Самыми частотными маркерами культурно-исторического колорита являются артефакты, указывающие, по мнению режиссера, на явления и события в русской культуре последней трети XIX века. К таким артефактам можно отнести элементы одежды персонажей, отдельные предметы быта (кареты, лапти, веретено, тройки и т. п.), фрагменты мебелировки, театральные

декорации, изображающие Санкт-Петербург. При этом визуальным реалиям соответствуют фрагменты речи персонажей, в которых культурно-историческая специфика не отражается. Рассмотрим несколько примеров.

Изображение русских изб сопровождается фразой *These are peasants' cottage*, то есть для обозначения реалии в видеоряде используется функциональный аналог в аудиоряде. Традиционное блюдо русской кухни — щи, представленное в видеоряде, в аудиоряде передается описательно: *Is that cabbage soup?* Кадру с калачами соответствует фраза *Have you bought the buns*, в которой дана единица с более широким значением.

Случаи соответствия культурно-исторических маркеров в визуальном и аудиальном кодах очень редки и представлены транслитерацией или транскрипцией, например при изображении в кадре монет звучит фраза: *I gave them a sauce that cost 85 kopeks and it was a triumph*.

С одной стороны, подобная нейтрализация культурно-исторического колорита эпохи может объясняться стремлением режиссера адаптировать материал к иноязычной целевой аудитории, с другой стороны, такая стратегия обычно предполагает компенсацию утраченных смыслов при помощи других кодов, чаще всего визуального. В данном же случае визуальный код из-за намеренной неестественности не выполняет этой функции, культурные смыслы по большей части не переозначиваются, а утрачиваются.

Можно говорить о некоторой компенсации утраченных смыслов при помощи внедрения в речь персонажей антропонимов и топонимов. Однако непоследовательное употребление имен одних и тех же персонажей в полной, сокращенной и уменьшительно-ласкательной форме способно ввести носителя иной культуры, незнакомого с русскими именами, в заблуждение относительно того, о ком идет речь.

Например, по-разному обозначается один из главных героев романа Константин Дмитриевич Левин:

*Would you die for love, Konstantin Dmitrievich?
This is my oldest friend, Levin
Kostya, don't be stupid, she will be your wife*

При этом не всегда употребление различных форм имени соответствует коммуникативной ситуации.

Имена часто произносятся неверно, с неправильным ударением или с пропуском окончаний. Некоторые имена были заменены похожими

по звучанию западными соответствиями, например имя *Федор* заменяется именем *Theodore*.

Географические названия, цель которых — помочь зрителю идентифицировать место действия, также не выполняют эту задачу, так как используются их разные варианты для обозначения одной и той же локации. Так, Санкт-Петербург в речи персонажей звучит как *Saint Petersburg*, *Petersburg*, *Peter*. Подобная вариативность не только значительно осложняет восприятие сюжета, но вводит зрителя в заблуждение, когда употребляется единица, не соответствующая культурно-исторической эпохе, описанной в романе. Намеренная условность видеоряда не способствует формированию у зрителя необходимого представления о месте действия.

Попытка обозначить русскоязычный культурно-исторический континуум предпринимается при помощи устных и письменных текстов на русском языке. Так, в кинофильме русская речь звучит в качестве фонового шума, так называемые гуры. На русском же языке даются названия книг, вывески, письма в видеоряде.

Однако и такие маркеры используются режиссером непоследовательно. Например, в речи персонажей используется слово «котик», функциональность которого вызывает сомнения: *Oh, my little Kotik*. В сюжетно значимых сценах Д. Райт отказывается от использования русского языка, и, например, в сцене признания Левина в любви к Кити на столе используются английские буквы, из которых герои составляют слова.

Достаточно противоречивым приемом является и точечное употребление устаревшей лексики английского языка. В фразе *Can you see those swains?* функция архаизма *swain*, имеющего в современном английском аналог *peasant*, неясна.

Стоит отметить удачную попытку режиссера использовать соответствующее музыкальное сопровождение — стилизацию русской народной песни, произведения П. И. Чайковского.

Можно отметить, что в экранизации представлены разнообразные маркеры культурно-исторического колорита, но используются они зачастую очень непоследовательно, а в некоторых случаях и противоречиво. Таким образом, англоязычному зрителю дается достаточно искаженное представление не только о романе, но и о русской культуре в целом, то есть перераспределения языка с внутренней русской культуры на внешнюю английскую, то есть вторичной культурной ориентации (Кабакчи, Белоглазова 2024, 25) не происходит, хотя средства для этого имеются (Кабакчи 1998, 52–60).

О. А. Леонтович отмечает, что введение культурно-исторических маркеров в аудиовизуальный текст позволяет сформировать и выразить макросмысл оригинального текста, но для этого необходимо, чтобы вышеозначенные маркеры органично «вплелись в ткань произведения и зажили в нем гармоничной жизнью» (Леонтович 2010, 150), однако это, как показывает анализ, не всегда удается иноязычному интерпретатору. В связи с этим возникает проблема определения границ, «за которыми наступают качественные изменения, неприемлемые с точки зрения добросовестного ретранслятора и деформирующие культурный смысл» (Леонтович 2008, 22–23).

Стратегии передачи культурных смыслов при аудиовизуальном переводе

Утрата или перераспределение смыслов при интерсемиотическом переводе — это не единственная проблема, связанная с адаптацией культурно-исторического содержания оригинала при создании экранизации. Не меньше сложностей возникает при аудиовизуальном переводе экранизации в случае ее появления на экранах в других странах. Реципиентами экранизации могут стать как носители другой культуры, так и представители культуры, для которых оригинальный текст, положенный в основу экранизации, является своим, как это происходит при дубляже фильма «Анна Каренина» на русский язык.

На первый взгляд, проблемы с пониманием культурных смыслов оригинала нет, но при такой вторичной ретрансляции переводчики сталкиваются со сложностями иного рода. При переводе поликодовых текстов, каковым является экранизация, возникает необходимость в параллельной передаче лингвистических и нелингвистических кодов с учетом требований к дубляжу — укладки в губы и синхронизации переводной фразы по времени с оригинальной, если лицо персонажа находится в кадре, или только временной синхронизации, если персонаж за кадром.

Как было отмечено выше, при интерсемиотическом переводе преобладающим каналом передачи культурных смыслов стал визуальный. В лингвистическом коде маркеры культурных смыслов либо отсутствовали, либо использовались некорректно с точки зрения носителя русского языка. Следовательно, перед аудиовизуальным переводчиком ставится задача восстановления утраченных смыслов при условии соблюдения требований к дубляжу, так как «интерпретация экранизации моделированным

зрителем происходит на основе его компетенций и фоновых знаний <...>, являющихся продуктом той лингвокультуры, к которой принадлежит интерпретатор» (Коваленко 2011, 52).

Рассмотрим несколько примеров. Фраза *Is that cabbage soup?* переведена *Неужели деревенские щи?* Реалия восстановлена, но произносимый текст становится намного короче, поэтому было добавлено слово *деревенские*. В таком виде фраза не совпадает по количеству слогов с оригинальной, артикуляция звуков на английском и на русском языке не соответствует, то есть на первый взгляд нарушено требование укладки текста в губы актера, тем более что лицо персонажа показано крупным планом. Тем не менее вариант остается, так как у героя пышные усы, прикрывающие губы, и при этом восстанавливается не только культурный колорит, но и такая важная характеристика речи персонажа, как псевдоустьность (Козуляев 2019).

В случае, когда губы актера четко видны в кадре, укладка в губы становится обязательной. Например, при переводе фразы *Have you stopped stealing the bread rolls?* подбирается вариант *Калачей больше не воруете?* Такой перевод позволяет не только ввести культурно-исторический маркер, но сохранить псевдоустьность и социолектность персонажа. Технические параметры укладки в губы также соблюдены: фраза практически совпадает по количеству слогов и по основным артикуляционным движениям — лабиализация и растяжение губ.

При восстановлении транслитерированных единиц потребовалось построить перевод фразы таким образом, чтобы эти единицы совпали и в оригинале, и в переводе. Например, лицо героини четко видно при произнесении слова *kopecks*, поэтому фраза *I gave them a sauce that cost 85 kopecks and it was a triumph* была переведена при помощи: *А я сделала соус на 85 копеек, и все были весьма довольны*. Введение единицы *весьма* представляется удачным для сохранения псевдоустьности.

Подобным образом с учетом требований, предъявляемых к дублированному переводу, были означены все невербальные культурные маркеры, имеющие вербальные нейтрализованные соответствия в оригинале. Помимо этого, наблюдаются случаи добавления лингвокультурологических маркеров, особенно тогда, когда лицо персонажа не видно в кадре. Например, фраза *Come along* передается как *Идемте, сударь*. Помимо культурной маркированности при таком переводе достигается необходимая смена стилистического регистра, так как фразовый глагол, являющийся маркером разговор-

ного стиля, передается устаревшей единицей *сударь*, принадлежащей к книжной лексике.

Трансформации при переводе коснулись и имен собственных. Из 45 имен в 12 примерах форма имени была изменена. Изменения отмечаются в случаях, когда в оригинале имя сопровождается титулом, например *Princess Ekaterina* в переводе передается как *Катерина Александровна*, *Princess Betsy* — *Бетси Тверская*. Также имена изменялись, если форма имени, выбранная в оригинале, была неуместна и не соответствовала русскоязычному узусу. Во время светской беседы один из участников произносит: *I hear Vasya Pryachnikov fought a duel with Kvitsky and killed him*. Употребление такой формы имени в подобной коммуникативной ситуации неприемлемо с точки зрения носителей русского языка, поэтому при переводе предлагается вариант: *Говорят, господин Прячников дрался на дуэли с Квитским и убил его*. Также происходит повышение стилистического регистра, уместное в данной ситуации.

Интересное переводческое решение можно увидеть в следующем примере:

And now I'm doing kitchenmaid's work because Nadya's parents won't let her set foot in the house. [И теперь мне еще и кашеварить надобно, ведь Надьку-то отец с мамкой на порог сюда не пускают.]

Подобная замена не только способствует восстановлению утраченных в экранизации на английском языке культурно-исторических смыслов, но и способствует сохранению социолектности и псевдоустьности речи персонажа, переводя речь персонажа в сниженный регистр при помощи разговорных и просторечных лексем *кашеварить*, *мамка*, разговорной частицы *-то*, фразеологизма *не пускать на порог*.

Таким образом, замена формы имени происходила в тех случаях, когда не было необходимости в укладке текста в губы актера. Эта замена также способствовала смене стилистического регистра на соответствующий представленной в кадре коммуникативной ситуации.

При передаче названия места действия изменения коснулись единицы *Peter* как абсолютно не соответствующей эпохе:

I would like to stay in Peter, sir, if you don't mind. [Но я бы лучше остался в столице, если вы мне позволите.]

Анализ оригинальной версии экранизации и ее дублированного перевода позволили выделить тенденцию к использованию устаревшей лексики или устаревших форм в переводе

вместо нейтральных единиц в оригинале, что свидетельствует об эмфатизации культурно-исторических параметров при переводе. Так, единица *talk* передается как *судачить*, *telegram* — *депеша*, *gentleman* — *сударь*, *coffee* — *кофий* и др. Использование таких единиц не противоречит техническим требованиям, предъявляемым при дубляже, и способствует восстановлению культурно-исторического колорита Российской империи XIX века в экранизации.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что при интерсемиотической трансформации оригинального текста в экранизацию культурно-смысловый код оригинала передан очень поверхностно, что может объясняться своеобразным подходом к вопросу интерпретации романа, но не лингвокультурологической зательностью оригинала, так как «наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия» (Комиссаров 1990, 148).

Если в межкультурном контексте экранизация художественного текста, по мнению О. А. Леонтович, является «двойным переводом — от культуры к ретранслятору и от ретранслятора к целевой аудитории» (Леонтович 2008, 20), то при аудиовизуальном переводе можно говорить о дальнейшей трансформации оригинальных культурных смыслов. Оптимальным вариантом в случае перевода экранизации для носителей культуры первичного текста будет следующая траектория переозначивания: оригинальный текст (культура 1) — ретранслятор (культура 2) — первичная целевая аудитория (культура 2) — ретранслятор (культура 1) — вторичная целевая аудитория (культура 1).

Нейтрализация культурных смыслов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», которую можно наблюдать в экранизации при интерсемиотическом переводе, успешно нивелируется при дубляже фильма, так как культурная идентич-

ность и прагматическая установка ретранслятора позволяет достаточно точно понять культурные смыслы оригинального текста и использовать весь лингвистический арсенал русского языка для их передачи. Восстановление культурно-исторических эксплицитных маркеров способствует реставрации имплицитных параметров, таких как, например, соответствующий ситуации стилистический регистр.

Сохранение культурного кода оригинала, конечно, крайне желательное условие экранизации, которое не всегда реализуется, однако при интерлингвистической ретрансляции экранизации для представителей русской культуры безусловно необходима обратная адаптация культурных смыслов. В противном случае произойдет распад синкретичности функционирования кодов аудиовизуального произведения, что приведет к неприятию его зрителями, то есть к его творческому и финансовому фиаско.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Все авторы внесли равнозначный вклад в сбор материалов, разработку темы, обобщение проанализированных данных и изложение собственных практических наблюдений, послуживших основой для данной статьи.

Author Contributions

All the authors made an equal contribution to the collection of materials, the development of the topic, the generalization of the analyzed data and the presentation of their own practical observations, which served as the basis for this article.

Литература

- Кабакчи, В. В. (1998) *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2024) *Введение в интерлингвокультурологию*. 2-е изд. М.: Юрайт, 250 с.
- Коваленко, И. В. (2011) Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки*, № 2 (56), с. 50–53.

- Козуляев, А. В. (2019) *Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык). Диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук*. М., Российский университет дружбы народов, 234 с.
- Комиссаров, В. Н. (1990) *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. М.: Высшая школа, 253 с.
- Леонтович, О. А. (2008) Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, с. 18–24.
- Леонтович, О. А. (2010) Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики). *Наука телевидения*, № 7, с. 144–157.
- Cattrysse, P. (1992) Film (adaptation) as translation: Some methodological proposa. *Target*, vol. 4, no. 1, pp. 53–70. <https://doi.org/10.1075/target.4.1.05cat>

References

- Cattrysse, P. (1992) Film (adaptation) as translation: Some methodological proposa. *Target*, vol. 4, no. 1, pp. 53–70. <https://doi.org/10.1075/target.4.1.05cat> (In English)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhkul'turnoj kommunikatsii [Fundamentals of the English language intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2024) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]*. 2nd ed. Moscow: Urite Publ., 250 p. (In Russian)
- Komissarov, V. N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 253 p. (In Russian)
- Kovalenko, I. V. (2011) Intersemioticheskij perevod v mezhkul'turnom aspekte: postanovka problemy [Intersemiotic translation in the intercultural aspect: Statement of the issue]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki — Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, no. 2 (56), pp. 50–53. (In Russian)
- Kozulyaev, A. V. (2019) *Integrativnaya model' obucheniya audiovizual'nomu perevodu (anglijskij yazyk) [Integrative model of teaching audiovisual translation (English language)]*. PhD dissertation (Pedagogics). Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 234 p. (In Russian)
- Leontovich, O. A. (2008) Problema retranslyatsii i adaptatsii kul'turnykh smyslov [The problem of retranslation and adaptation of cultural meanings]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 18–24 (In Russian)
- Leontovich, O. A. (2010) Problemy intersemioticheskogo perevoda (na materiale zarubezhnykh ekranizatsij russkoj klassiki) [The problem of intersemiotic translation (based on foreign adaptations of Russian classics)]. *Nauka televideniya — The Art and Science of Television*, no. 7, pp. 144–157. (In Russian)

УДК 811.11-112

EDN MZDCYI

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-92-102>

Способы кодирования энигмата в малоформатных энигматических текстах (на материале немецкого языка)

М. Н. Гузь ^{✉1}, П. А. Павлова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Мария Николаевна Гузь,
SPIN-код: 5084-5080,
ORCID: 0000-0001-9726-7235,
e-mail: mguz@rambler.ru

Полина Анатольевна Павлова,
ORCID: 0009-0008-9824-5917,
e-mail: pavlova-p@mail.ru

Для цитирования: Гузь, М. Н., Павлова, П. А. (2024) Способы кодирования энигмата в малоформатных энигматических текстах (на материале немецкого языка). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 2, с. 92–102. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-92-102>
EDN MZDCYI

Получена 20 января 2024; прошла рецензирование 6 февраля 2024; принята 1 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © М. Н. Гузь, П. А. Павлова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются способы кодирования энигмата в малоформатных немецкоязычных текстах для детей. Энигматические тексты, адресованные детям, представляют собой отдельную категорию энигматических текстов, они служат средством познания ребенком окружающего его мира, способствуют систематизации у адресата знаний о мире. При помощи детского энигматического текста его адресат знакомится с языковой средой, которая его окружает, с культурой, в которой он растет, с устройством общества. Особенности возраста и психики адресата определяют характеристики детского энигматического текста и способы кодирования объектов реальной действительности, которые окружают адресата. Материалом исследования послужили малоформатные немецкоязычные детские энигматические тексты: предметные загадки и шуточные вопросы из авторских сборников, а также опубликованные на сайтах для детей в сети Интернет. Рассматриваемые виды малоформатных энигматических текстов для детей отличаются способом кодирования энигмата. Для обоих видов исследуемых энигматических текстов характерны как общие, так и специфические способы кодирования. Под общими способами кодирования в статье понимаются те способы кодирования, которые присущи как загадкам, так и шуточным вопросам. Специфические способы кодирования энигмата характеризуют один вид исследуемых энигматических текстов. Общими для исследуемых загадок и шуточных вопросов являются такие способы кодирования энигмата, как описание, сравнение, отрицание и противопоставление. В загадках энигмат кодируется также при помощи метафоры и загадки в загадке, в шуточных вопросах — языковой игры, интертекстуальности и отсылок, группировки нескольких текстов, связанных логически и тематически, избыточной, уточняющей и ложной информации, имитации другого вида текста. Выбор способа кодирования энигмата в малоформатных энигматических текстах для детей в первую очередь обусловлен возрастными особенностями адресата, так как адресатом предметных загадок является преимущественно дошкольник, а также младший школьник, адресатом шуточных вопросов — младший школьник.

Ключевые слова: малоформатный энигматический текст, загадка, шуточный вопрос, способ кодирования энигмата, адресат, метафора, языковая игра

The ways of encoding of enigmat in small-sized enigmatic texts (on the material of German language)

M. N. Guz ^{✉1}, P. A. Pavlova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Maria N. Guz, SPIN: 5084-5080,
ORCID: 0000-0001-9726-7235,
e-mail: mguz@rambler.ru

Polina A. Pavlova,
ORCID: 0009-0008-9824-5917,
e-mail: pavlova-p@mail.ru

For citation: Guz, M. N.,
Pavlova, P. A. (2024) The ways
of encoding of enigmat in small-sized
enigmatic texts (on the material
of German language). *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 6, no. 2, pp. 92–102.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-92-102>
EDN MZDCYI

Received 20 January 2024; reviewed
6 February 2024; accepted 1 April
2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © M. N. Guz,
P. A. Pavlova (2024). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article considers the ways of encoding of enigmat in German small-sized enigmatic texts for children, which form a special category of enigmatic texts. These texts function as means of exploring the child's environment and contribute to systematization the addressee's knowledge about the world. With help of enigmatic texts, the addressee familiarizes themselves with the language environment, culture and the organization of society. The specifics of age and psychological traits of the addressee determine the characteristics of enigmatic texts and the encoding ways which represent the real objects from the child's environment in the enigmatic texts. The research material comprises German small-sized enigmatic texts for children, that are subject riddles and riddle jokes published in books and websites. The ways of encoding vary in small-sized enigmatic texts depending on their kind. There are two types of encoding ways that are present in both kinds of the researched enigmatic texts, namely common and specific ways of encoding. The common ones refer to such encoding ways that appear in both riddles and riddle jokes. The specific ways of encoding are more representative of rather one or another kind of enigmatic texts. The common ways of encoding include description, simile, negation, and opposition. Specific ones for riddles are metaphor and riddle in the riddle, and for riddle jokes — language game, intertextuality and references, text constellation, in which the texts are connected due to same topic and logical structure, redundant information, additional information, misinformation, and imitation of other kinds of texts. The choice of a particular encoding way is primarily caused by the age characteristics of the addressee considering that the riddles are addressed to preschoolers and elementary students, and riddle jokes — only to elementary students.

Keywords: small-sized enigmatic text, riddle, riddle joke, ways of encoding of enigmat, addressee, metaphor, language game

Введение

Одним из направлений современных исследований в лингвистике является изучение энigmatического дискурса. Зарубежные исследователи рассматривают энigmatу как троп и риторическую фигуру (Cook 2001, 351; Gruenler 2017, 187) или определяют ее, исходя из той области, в которой она проявляется. Например, энigmat определяется как игра в фольклоре и как причастность в теологии (Gruenler 2017, 4–5). Отечественные ученые под энigmatическим дискурсом понимают «коммуникативное событие, знаковым посредником которого служит энigmatический текст, обладающий мощным интерактивным потенциалом, так как его полная знаковая репрезентация возможна при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта» (Селиванова 2014, 6).

Энigmatический текст (ЭТ) как тип текста неоднороден, он представляет собой целый

спектр текстов, который расширяется или сужается в зависимости от концепции и цели конкретного исследования. Поэтому возникает вопрос об основаниях отнесения того или иного вида текста к разряду энigmatических. Следовательно, ключевыми задачами для исследований в этой области становятся формулировки определения ЭТ и критериев «энigmatичности». Единства во мнениях о критериях и определении ЭТ не существует.

Е. А. Денисова, основываясь на анализе текстов загадок и кроссвордов, называет ряд характеристик, присущих ЭТ. К ним она относит вопросно-ответную форму, коммуникативную направленность, отсутствие автора, информационную самодостаточность и содержательную завершенность (Денисова 2008, 9). М. В. Волкова подчеркивает двучастность и единую интенцию ЭТ (Волкова 2011, 21); Е. А. Селиванова в качестве ключевых признаков ЭТ выделяет прагматическую установку текста на разгадывание, криптографичность, парадоксальность

и интерактивный потенциал (Селиванова 2014, 8–11). Т. Ф. Шумарина рассматривает эпиграмму как ЭТ. На основании сопоставления эпиграммы с загадкой Т. Ф. Шумарина показывает, что ЭТ характеризуется особенностями структуры (наличие энигматора и энигмата) и размера (малоформатность), телеологичностью (побуждением адресата к декодированию), аксиологичностью, антропоцентричностью, «наличием кода» и «приемами кодирования» (Шумарина 2014, 104–105).

Т. В. Струкова, исследуя логогрифы, анаграммы и загадки-аккидитивы, подчеркивает познавательно-эвристическую направленность данных ЭТ, обусловленную феноменом языковой игры (Струкова 2020a; 2020b). К. А. Новикова онтологической характеристикой ЭТ называет его ориентированность на адресата (Новикова 2022, 3604).

Таким образом, предлагая определения ЭТ, исследователи делают акценты на разных критериях и характеристиках, присущих ЭТ. Данная статья посвящена детским ЭТ, которые представляют собой отдельную категорию ЭТ, так как их характеристики во многом определяются возрастными и психологическими особенностями адресата. Под детским ЭТ будем понимать текст, адресованный детям дошкольного и младшего школьного возраста, обладающий двухчастной структурой, где первая часть текста (энигматор) кодирует вторую (энигмат), при этом кодирование является основным признаком такого текста и реализуется с помощью различных языковых средств на всех уровнях текста, а успешное декодирование возможно только при участии адресата. Поскольку кодирование определяется нами как один из ключевых критериев детского ЭТ, представляется важным описать способы кодирования энигмата в разных видах детского ЭТ.

Материал исследования

Материалом для настоящего исследования послужили 600 словесных ЭТ для детей, а именно предметные загадки и шуточные вопросы из книг М. Арндт “Fingerspiele und Rätsel” (Arndt 1989), У. Лёвенберг “Superwitzige Scherzfragen” (Löwenberg 2016), а также загадки и шуточные вопросы, опубликованные в сети Интернет на сайте Анджелы и Отто Янко (Website von Angela und Otto Janko... 2024).

Адресатом исследуемых ЭТ является ребенок: в случае загадок — дошкольник или младший школьник, в случае шуточных вопросов — младший школьник. Адресат анализируемых ЭТ

определяет их функции: развлекательную, познавательную и развивающую. Оба вида исследуемого ЭТ являются разновидностью игры и одновременно способствуют познанию мира и систематизации знаний ребенка об окружающем его мире. Работая с загадками и шуточными вопросами, пытаясь найти отгадку (ответ на вопрос), ребенок знакомится с языковой средой, культурой и общественным укладом, характерными для региона его проживания. Тематика исследуемых текстов определяется возрастными особенностями адресата, а также объектами и явлениями, с которыми адресат сталкивается в жизни, которые окружают его и являются для него значимыми. Кодирование объектов реальной действительности осуществляется путем обращения к информации в сознании адресата, его базовым знаниям и опыту, особенности кодирования энигмата внутри текста энигматора также определяются адресатом исследуемых текстов.

Общие способы кодирования энигмата

В результате анализа материала были выделены общие и специфические способы кодирования энигмата. Общими способами кодирования энигмата мы называем те, которые встречаются в обоих видах исследованных текстов, а именно в загадках и шуточных вопросах, специфические способы кодирования энигмата присущи только одному виду текстов. К общим способам кодирования проанализированный материал позволяет отнести описание объекта, сравнение, отрицание и противопоставление.

В широком смысле любой способ кодирования — это описание, так как цель кодирования заключается в представлении загадываемого объекта в тексте без его прямого упоминания. В данной статье термин «описание» будем использовать в узкой трактовке, как отдельный способ кодирования энигмата, противопоставленный другим способам по критерию указания на характеристики энигмата.

Описание загаданного объекта на первый взгляд является достаточно простым способом кодирования. Однако, если рассмотреть его подробнее, окажется, что при описании необходимо выделить такие особенности объекта, которые являются достаточными для отгадывания, но при этом не слишком очевидными для адресата. Малоформатность ЭТ еще больше осложняет кодирование энигмата с помощью описания, так как требует краткости формулировок.

*Hell und rund am Himmel steht sie,
warme Strahlen zu uns schickt sie.
(Die Sonne) (Arndt 1989, 221)*

[Светлое и круглое стоит оно в небе, посылает нам теплые лучи.
(Солнце)]
(здесь и далее — пер. авторов статьи)

Энигмат данной загадки закодирован описанием, которое сообщает адресату цвет (*hell*), форму (*rund*), место нахождения (*am Himmel*) и функцию загаданного объекта (*schickt warme Strahlen*). Данные признаки являются ключевыми для энигмата, их появление в тексте энигматора постепенно сужает спектр потенциальных отгадок и подталкивает реципиента к ответу, при этом самый важный пункт описания (функция) объекта, однозначно указывающий на него, появляется в самом конце описания, делая тем самым процесс отгадывания энигмата более увлекательным.

Энигматор следующей загадки кодирует такие ключевые особенности загаданного объекта, как материал, из которого он изготовлен (*von Eisen*), и его месторасположение (*an der Tür*):

*Ich bin von Eisen an der Tür,
Ein Hauptgebäude, eine Zier.
(Das Schloss) (Website von Angela und Otto Janko... 2024)*
[Я из железа на двери,
здание, украшение.
(Замок)]

Помимо этого, в данном тексте целенаправленно обращается внимание адресата на присутствующую энигмату омонимию (*ein Hauptgebäude* и *eine Zier*). Ввод в текст энигматора омонимов сужает перечень возможных отгадок и позволяет адресату однозначно назвать энигмат.

В исследуемом материале описываются следующие характеристики энигмата: внешние признаки (цвет, форма, размер), свойства и функции. Интересно, что одна лексема может описывать энигмат по разным параметрам:

*An starken Pfählen oder Lauben
rank' ich empor und trage Trauben.
(Der Weinstock) (Arndt 1989, 211)*
[По крепким подпоркам вьюсь я вверх
и несую виноград.
(Виноградная лоза)]

В приведенном примере словосочетание *rank' ich empor* можно рассматривать и как описание внешних признаков загаданного объекта, и как описание его свойств. А словосочетание *trage*

Trauben, также описывающее внешние особенности объекта, характеризует и его функции.

Описание как способ кодирования энигмата в загадках и шуточных вопросах используется с разными целями. Описание в загадке строится таким образом, чтобы исключить множественность энигматов в той степени, насколько это возможно в ЭТ. Такой подход к описанию связан с прагматическими целями загадок: чаще всего при загадывании предполагается успешное декодирование загадки адресатом, т. е. описание должно наводить адресата на однозначный ответ. В текстах шуточных вопросов описание заведомо дает несколько размытый образ объекта, который отсылает сразу к множеству энигматов, благодаря чему у адресата шуточного вопроса меньше шансов декодировать текст, чем у адресата загадки. Необходимость в таком неточном описании обусловлена прагматикой шуточных вопросов. Основная цель этих текстов заключается в создании комического эффекта, достигаемого во многом тем, что адресат не может назвать энигмат самостоятельно и прибегает к помощи адресанта.

В исследуемых ЭТ описание часто подкрепляется другими способами кодирования и реализуется с их помощью, так как, несмотря на простоту этого способа, достаточно сложно осуществить кодирование только описанием объекта. Кроме того, ЭТ, в особенности детские, должны обращать внимание адресата на важные для декодирования детали и легко запоминаться на слух. Для этого необходимы яркие образы, которые создаются, в частности, путем сравнения.

Основанием для сравнения могут выступать внешние признаки, свойства или функции объекта. При помощи сравнения, которое базируется на описании внешних характеристик энигмата — его размера (*höher als ein Admiral*), кодируется энигмат в шуточном вопросе: *Was ist höher als ein Admiral? — Sein Hut* [Что выше адмирала? — Его шляпа] (Löwenberg 2016, 145). Для построения сравнения здесь использованы прилагательное в сравнительной степени и союз *als*. Наряду со сравнением, текст демонстрирует языковую игру с семантикой энигматора, представленного вопросительным предложением. Предполагаемая интерпретация высказывания адресатом подразумевает, что спрашивается о чине, который выше чина адмирала. Это вводит адресата в замешательство, так как адмирал — высшее воинское звание на флоте Германии. Истинная семантика данного высказывания предполагает вопрос о физическом положении загадываемого объекта в пространстве относительно человека.

Сравнение как одиночный способ кодирования энигмата в исследуемом материале встречается относительно редко. Чаще сравнение используется с другими способами кодирования энигмата, например в сочетании с описанием.

*Kleiner als eine Maus,
hütet das ganze Haus.
(Das Türschloss) (Arndt 1989, 175)*
[Меньше мыши,
охраняет дом.
(Дверной замок)]

Энигмат загадки закодирован при помощи описания в сочетании со сравнением. В первой строке энигматора адресату при помощи сравнения сообщается информация о размерах загадываемого объекта (*klein*), а во второй — описывается его назначение (*hütet das Haus*). Как показывает текст этой загадки, выделяемые для кодирования особенности являются для данного объекта ключевыми. Благодаря этому у адресата есть возможность соотнести их как с образом объекта, так и между собой для успешного декодирования.

Сравнение как способ кодирования энигмата может выступать в сочетании с противопоставлением и отрицанием.

Шуточный вопрос *Was sieht aus wie eine Katze, miaut wie eine, ist aber keine Katze?* — *Ein Kater*. [Что выглядит как кошка, мяукает как кошка, но не кошка? — Кот] (Löwenberg 2016, 170) содержит сразу два сравнения. Основаниями для них служат как внешние признаки (*sieht aus wie eine Katze*), так и свойства загаданного объекта (способность издавать характерный звук — *miaut wie eine*). Противопоставление, вводимое союзом *aber*, связывает информацию, которую адресату дает сравнение, с информацией, добавленной в текст отрицанием (*keine Katze*). Отрицание в данном тексте называет важнейшее условие, которое адресату необходимо учесть при декодировании, поэтому оно завершает текст энигматора.

Следующий пример демонстрирует сочетание таких способов кодирования энигмата, как описание через отрицание и сравнение:

*Erstens hat er keine Flügel,
zweitens pfeift und singt er nicht.
Und doch fliegt er wie ein Vogel,
wenn der Wind ihn nicht zerbricht.
(Der Papierdrachen) (Arndt 1989, 168).*
[Во-первых, у него нет крыльев,
во-вторых, он не свистит и не поет,
и все-таки он летает как птица,
если ветер его не разобьет.
(Бумажный змей)]

Энигмат загадки кодируется через сравнение его функций с полетом птицы (*fliegt er wie ein Vogel*). Лексемы *fliegen* и *Vogel* заставляют адресата выстраивать внешний образ загаданного объекта, исходя из представлений о внешних особенностях птиц и механики полета. Для более успешного декодирования энигмата адресат еще до появления в тексте сравнения получает два условия, предотвращающие построение ложного образа энигмата. Эти условия вводятся с помощью наречий (*erstens, zweitens*), способствующих структурированию информации и более легкому ее восприятию на слух, и отрицаний (*hat er keine Flügel; pfeift und singt er nicht*). Последняя строка текста представляет собой условное придаточное предложение, которое дает адресату дополнительную информацию о свойствах объекта, косвенно указывая на его хрупкость.

Энигмат приводимой ниже загадки также кодируется сочетанием нескольких способов, в т. ч. при помощи сравнения. Но в данном случае сравнение характеризует не весь загаданный объект целиком, а только его часть.

*Mein liebes Kind, sage mir,
was ist das für ein wildes Tier
es hat kein Maul, kann doch beißen,
hat scharfe Zähne, hart wie Eisen,
es reißt und beißt kurz und klein
sogar das Holz. Was mag das sein?
(Die Säge) (Arndt 1989, 185)*
[Мое любимое дитя, скажи мне,
что это за дикий зверь,
у него нет пасти, но он может кусаться,
у него острые, как железо зубы,
он рвет и кромсает все, даже дерево.
Что это может быть?
(Пила)]

Сравнение в тексте данной загадки указывает на качество части загаданного объекта (*hart wie Eisen*). Чтобы путь к отгадке не оказался слишком легким, прибегают к сравнению, а не к прямому наименованию. Кроме того, текст дополняется эпитетами и зооморфными метафорами (*ein wildes Tier; kann doch beißen; scharfe Zähne; reißt und beißt*). В последней строке также присутствует подсказка: назван еще один материал, связанный с энигматом, — дерево. Благодаря такой комбинации способов кодирования, у адресата складывается образ дикого зверя с твердыми (как железо) зубами, способными искромсать дерево. Отрицание (*es hat kein Maul*) является важным элементом текста, так как дает адресату понять, что энигмат не является животным, а значит, необходимо найти аналогичный выстроенному образцу объект.

Отличие сравнения от описания заключается в том, что сравнение помогает адресату более образно представить кодируемый объект. Сравнение как способ кодирования энигмата выполняет две функции: характеризует энигмат и выделяет в тексте те детали, на которые адресату необходимо обратить особое внимание при декодировании.

Большое количество проанализированных ЭТ в качестве основного способа кодирования использует отрицание, так как оно позволяет закодировать энигмат через представление противоположных ему характеристик в тексте. Отрицание, как и описание, соотносится с внешними признаками объекта, его свойствами и функциями.

Энигмат *Hering* в шуточном вопросе *Welcher Ring ist nicht rund?* [Какое кольцо не круглое?] (Arndt 1989, 146) кодируется в тексте через языковую игру, реализуемую за счет звукового и графического сходства слов *Ring* и *Hering*. Для более точного представления энигмата необходимо подчеркнуть различия между реальным образом загаданного объекта и кодирующего образа в тексте, что сделано с помощью отрицания. В данном шуточном вопросе это отрицание признака (*rund*), типичного для объекта (*Ring*), через который энигмат представлен в энигматоре.

Необходимо отметить, в основе описания и отрицания как способов кодирования энигмата лежит один механизм, разница между ними заключается в том, что описание заявляет о наличии признака, а отрицание — об его отсутствии. В анализируемом материале эти два способа кодирования энигмата часто сопутствуют друг другу.

Первая часть этого шуточного вопроса *Was hat 8 Beine, 2 Schwänze und hört nichts?* — *Zwei taube Mäuse* [Что имеет 8 ног, 2 хвоста и ничего не слышит? — Две глухие мыши] (Löwenberg 2016, 45) представлена описанием. Энигмату приписывается признак наличия лап и хвостов (*hat 8 Beine, 2 Schwänze*), т. е. описываются внешние признаки загадываемого объекта. Вторая часть вопроса содержит отрицание другого признака — свойства объекта (*hört nichts*). Комбинация описания и отрицания создает парадокс в восприятии текста, так как наличие лап и хвоста ассоциируется у адресата с живыми существами, которые должны обладать слухом. Вопросительное местоимение *was* заставляет адресата предполагать, что энигмат соотносится с неодушевленным предметом и также затрудняет его декодирование.

Комбинация отрицания с описанием часто сопровождается противопоставлением, которое служит связи отрицания с другими способами кодирования и способствует детализации поставленного в тексте вопроса, так как подчеркивает условие, которое адресату необходимо учитывать при декодировании. Обычно маркерами противопоставления являются союзы *aber* и *doch*.

Противопоставление как относительно самостоятельный способ кодирования встречается достаточно редко. Проанализированный языковой материал показывает, что доля таких текстов от общего объема материала составляет около 3 %. При этом противопоставление в любом случае будет выполнять связующую функцию, так как для противопоставления требуется основа.

*Er ist ein kleiner schwarzer Zwerg
und hebt ganz leicht doch einen Berg.
(Der Maulwurf) (Arndt 1989, 237)*
[Он — маленький черный гном,
но легко поднимет гору.
(Крот)]

В тексте данной загадки противопоставление во второй строке связано с описанием в первой строке. Описание размера загаданного объекта (*ein kleiner Zwerg*) противопоставляется описанию его свойств (*hebt ganz leicht einen Berg*). Противопоставление в этой загадке является структурной и смысловой основой текста, а описания детализируют образ энигмата.

Однако чаще всего противопоставление в ЭТ встречается в комбинации с отрицанием. Более трети проанализированных текстов, содержащих отрицание как способ кодирования энигмата, содержат также противопоставление. Противопоставляться может либо отсутствие признака его наличие, либо наличие — отсутствию, при этом отсутствие признака вводится отрицанием, а наличие — любым другим способом кодирования кроме отрицания, что демонстрируют следующие два текста:

*Singt kein Lied, spricht kein Wort —
und meldet doch jeden Gast sofort!
(Der Hund) (Arndt 1989, 254)*
[Песен не поет, слов не говорит,
но сразу сообщит о приходе гостя!
(Собака)]

*Ich wohne im Wasser und bin doch kein Fisch,
komm schwarz in die Küche und rot auf dem Tisch.
(Der Krebs) (Arndt 1989, 238)*
[Живу в воде, но не рыба,
черный на кухне и красный на столе. (Рак)]

В первом тексте энигмату сначала дается характеристика через отрицания (*Singt kein Lied* и *spricht kein Wort*), после чего с помощью противопоставления добавляется описание его функций. Во втором тексте ситуация обратная: текст начинается с описания среды обитания кодируемого объекта (*wohne im Wasser*), а посредством противопоставления вводится уточнение, реализованное в тексте с помощью отрицания.

Отрицание, в отличие от противопоставления, в исследуемом материале показывает большую автономность. Согласно данным анализа группа текстов, содержащих отрицание без противопоставления, почти в два раза больше, чем группа текстов, содержащих оба способа кодирования. Интересно, что в загадках эти две группы практически равны, а в шуточных вопросах разрыв между ними значителен: текстов с отрицанием в 13 раз больше, чем текстов с отрицанием и противопоставлением. Такие показатели отчасти объясняются допустимым объемом текстов. Объема текста в загадках достаточно для выстраивания более детального образа энигмата благодаря комбинации большего количества способов кодирования, тогда как шуточные вопросы имеют значительно меньший объем, поэтому не обладают таким разнообразием способов кодирования внутри одного текста. По этой причине отрицания как более компактный способ охарактеризовать энигмат представлены шире, чем противопоставления, которые требуют описания как минимум двух характеристик энигмата.

В исследуемом материале загадки, в которых отрицание является способом кодирования энигмата, составляют около четверти всех текстов загадок (26 %), а шуточные вопросы с отрицанием — около пятой части от их общего числа (18 %).

Связь отрицания с другими способами кодирования не всегда осуществляется исключительно противопоставлением. В некоторых случаях для этого используются перечисление или союз *und*.

*Kein Feuer zu sehn,
aber brennt ganz schön!*
(*Die Brennnessel*) (Arndt 1989, 211)
[Не видно огня,
но обжигает хорошо!
(Крапива)]

*Rate, was ich weiß,
es brennt und ist nicht heiß.*
(*Die Brennnessel*) (Arndt 1989, 211)

[Угадай, что я знаю,
оно жжется и не горячее.
(Крапива)]

Данные загадки имеют одинаковый энигмат и кодируют его посредством обыгрывания семантики глагола *brennen*. В первом тексте используется распространенная в текстах загадок схема кодирования: отрицание наличия внешних признаков прямо противопоставляется описанию свойства. Во втором тексте к описанию свойства с помощью союза *und* и отрицания добавляется уточнение об отсутствии указанного свойства. Несмотря на то что противопоставление во втором тексте не представлено, адресат текста считает парадоксальность текста благодаря его семантической структуре.

При наличии отрицаний в тексте важно отличать отрицания, кодирующие энигмат, от отрицаний, не характеризующих энигмат.

Так, текст следующей загадки содержит отрицание в последней строке:

*Hört, sie hat zwei weiche Pfofen,
einen Schnurrbart im Gesicht,
fängt die Mäuse auf den Boden,
kennt ihr dieses Tier denn nicht?*
(*Die Katze*) (Arndt 1989, 252)
[Слушай, у нее две мягкие лапки,
усы на морде,
ловит мышей,
не знаешь, что это за зверь?
(Кошка)]

Однако отрицание в данном тексте не соотносится непосредственно с энигматом, кодирование энигмата в загадке осуществляется при помощи описания внешнего вида и функции загаданного объекта.

Специфические способы кодирования

Специфические способы кодирования энигмата характерны для каждого вида исследуемых текстов: для загадок — метафора и загадка в загадке, для шуточных вопросов — языковая игра, интертекстуальность и отсылки, группировка нескольких текстов, связанных логически и тематически, избыточная, уточняющая и ложная информация, имитация другого вида текста. Необходимо отметить, что такие способы кодирования энигмата, как метафора и языковая игра, встречаются в обоих видах исследуемых текстов, но представлены в них крайне неравномерно: метафора более характерна для загадок, а языковая игра — для шуточных вопросов. Использование языковой игры в загадках и метафоры в шуточных вопросах для кодирования

энигмата — крайне редкое явление, исследуемый материал дает единичные примеры использования данного способа кодирования, поэтому мы сочли возможным отнести их к специфическим, а не к общим способам кодирования энигмата.

Метафора и языковая игра изучены достаточно хорошо и не демонстрируют значимых отличий в ЭТ, по сравнению с другими текстами, поэтому мы остановимся на них кратко.

Метафора создается за счет сходства образа энигмата с каким-либо хорошо знакомым адресату объектом реальной действительности, животным или самим человеком. Основанием для выделения общих черт может быть общее внешнее сходство, сходство отдельных элементов двух образов, их функциональных особенностей. В анализируемых загадках встречаются антропоморфные, зооморфные и артефактные метафоры.

*Ich bin ein kleines Männchen,
hab einen runden Kopf
und streicht man mir das Köpfchen,
gleich brennt der ganze Schopf.
(Das Streichholz) (Arndt 1989, 196)*
[Я — маленький человечек,
у меня круглая голова,
поглядят меня по головке —
сразу загорится чуб.
(Спичка)]

В данном тексте энигмат кодируется через антропоморфную метафору. Критерием сравнения в данном случае является сходство образов человека и спички на основании внешних признаков. Точность метафоры подкрепляется дополнительными указаниями на размер и форму загадываемого объекта, которые вводятся в текст с помощью диминутивов (*Männchen*, *Köpfchen*) и определений (*kleines*, *runden*).

Языковая игра в шуточных вопросах может быть связана с внешней или внутренней формой слова. В первом случае обыгрываются буквенный состав слова, его фонетические или морфологические особенности, а во втором — семантические особенности. Нередко кодирование энигмата базируется на комбинации разных видов языковой игры в одном тексте.

В шуточном вопросе *Was ist besser, als unheimlich blöd zu sein? — Heimlich schlau zu sein* [Что лучше, чем быть в высшей степени глупым? — Быть умным и скрывать это] (Löwenberg 2016, 48) обыгрываются как морфологическая структура слов, так и их значение. Из-за наличия приставки *un-* лексема *unheimlich* выглядит как антоним *heimlich*. При этом актуализируемое

значение первого слова не антонимично второму: *unheimlich* используется для усиления значения наречия *blöd*.

Остановимся подробнее на других способах кодирования энигмата. В тексты шуточных вопросов, несмотря на их ограниченный объем, может вводиться дополнительная информация об энигмате, но не для помощи адресату в процессе разгадывания, а с целью усложнить закодированный образ. Чаще всего это избыточная информация, которая перетягивает внимание адресата на себя. Смысловая организация шуточного вопроса *Wie viele Indische Elefanten hat Moses mit auf die Arche genommen? — Es war Noah, nicht Moses*. [Сколько индийских слонов Моисей взял в ковчег? — Это был Ной, а не Моисей] (Löwenberg 2016, 28) предполагает, что адресат обратит внимание на определение *Indische*, хотя энигмат семантически не связан с ним. Данный пример интересен комбинацией способов кодирования: избыточная информация здесь отвлекает внимание от ложной (*Moses*). Адресат упускает намеренно допущенную логическую ошибку в энигматоре, что осложняет процесс декодирования. Особенность этого текста заключается в семантическом несоответствии ответа заданному вопросу, приводящем к появлению комического эффекта.

В некоторых случаях дополнительная информация является значимой для декодирования, но маскируется контекстом вопроса. Шуточный вопрос *Wie viele Erbsen passen in ein leeres Glas? — Eine, danach ist es nicht mehr leer* [Сколько горошин поместится в пустой стакан? — Одна, после этого он не будет пустым] (Löwenberg 2016, 130) содержит уточняющую информацию, которая вводится прилагательным *leer*, являющимся ключевым для декодирования. Обычно уточняющая информация вводится определением, которое на первый взгляд может показаться адресату очевидным. Если опустить такое определение, то смысл вопроса, который считывает адресат, не изменится. Однако такое определение, наоборот, способно подвести адресата к разгадке. В этом шуточном вопросе семантика лексемы *leer* обеспечивает базу для кодирования. Более того, в данном тексте также комбинируются два способа кодирования, так как текст демонстрирует не только наличие уточняющей информации, но и является имитацией текста математической задачи. Адресату кажется, что прийти к ответу можно либо путем вычислений, либо логическим путем. Логически энигмат действительно не противоречит условию, заданному в энигматоре. Но с большой долей вероятности адресат будет исходить из установки на определение того

числа горошин, которое заполнит стакан целиком, поэтому не сможет прийти к выводу о том, что стакан не считается пустым, даже если горошина в нем только одна.

В отдельных случаях шуточные вопросы группируются и функционируют как единый блок текстов, которые связаны общей логикой и тематикой. У таких групп текстов, по сравнению с отдельными шуточными вопросами, возрастает степень диалогизации:

Wer sitzt auf der Wiese, ist grün und macht Muh? — Ein Laubfrosch mit Fremdsprachkenntnissen. Und wer ist schwarz-weiß-rot, steht auf der Wiese und macht Muh? — Ein Storch, der den Frosch mit den Fremdsprachkenntnissen gefressen hat (Löwenberg 2016, 107)

[Кто зеленый сидит на лужайке и говорит «му»? — Древесная лягушка, знающая иностранные языки. А кто черно-бело-красный стоит на лужайке и говорит «му»? — Аист, который съел древесную лягушку, знающую иностранные языки].

Первый текст в таких группах может существовать как отдельный шуточный вопрос, но следующие за ним обычно сильно привязаны к первому семантически, поэтому иногда их невозможно разделить без изменения структуры или смысла второго и последующих текстов. Первый текст представленной группы формирует у адресата два образа энигмат. С помощью фраз *auf der Wiese* и *macht Muh* формируется предполагаемый энигмат *die Kuh*, так как передаваемые ими значения коррелируют с образом коровы в сознании адресата и его общими фоновыми знаниями. Но предполагаемый энигмат распознается адресатом как неверный, так как образу коровы противоречат значения лексем *grün* и *sitzen*, которые намекают адресату о наличии второго, истинного энигмата. При этом адресат не может сложить единый образ на основании полученной информации, что вынуждает его обратиться за помощью в декодировании к адресанту. Адресант называет энигмат и задает второй вопрос, содержание которого формирует более близкий образ к изначально предполагаемому энигмату (*schwarz-weiß-rot; steht auf der Wiese; macht Muh*). Некоторое несоответствие может вызвать только компонент *rot*, который внимательный адресат заметит, вновь усомнится в предполагаемом энигмате и не сможет дать ответ, а невнимательный — не заметит и назовет предполагаемый энигмат. В обоих случаях адресант текста назовет истинный энигмат, и прагматическая цель второго текста будет достигнута.

Следующим специфическим способом кодирования является интертекстуальность и отсылки к культурному коду или фоновым знаниям о мире. Энигматор шуточного вопроса *Wie lange blieben Adam und Eva im Paradies? — Bis zum Herbst. Dann waren die Äpfel reif* [Как долго оставались Адам и Ева в раю? — До осени. Потом яблоки созрели] (Löwenberg 2016, 88) содержит библейскую аллюзию, а энигмат — информацию о времени сбора урожая. Предполагается, что адресат такого текста обладает базовыми знаниями в области религии и пониманием связи сельскохозяйственных процессов с временем года. Такие усложненные способы кодирования являются причиной адресованности шуточных вопросов детям как минимум младшего школьного возраста.

Последний из специфических способов кодирования характерен для загадок. Он заключается в дополнительном кодировании одного из элементов внутри энигматора. В подобных случаях для декодирования энигмат адресату приходится сначала декодировать часть текста энигматора, который дает важную информацию об энигмате. Образуется загадка внутри загадки:

*Was für ein Tier frisst Heu und Klee
Und gibt etwas, so weiß wie Schnee?
(Die Kuh)* (Arndt 1989, 256)
[Что за зверь ест сено и клевер
и дает то, что белое как снег?
(Корова)]

Энигмат в этой загадке кодируется с помощью описания особенностей поведения и повадок загаданного объекта (*frisst Heu und Klee; gibt etwas*). Но во второй строке элемент описания закодирован путем введения в текст сравнения (*so weiß wie Schnee*). Этот текст демонстрирует многоуровневую энигматическую структуру, поэтому в данном случае можно говорить о наличии промежуточного энигмата *die Milch*.

Выводы

Кодирование энигмат в исследуемых малоформатных ЭТ имеет определенную специфику, которая определяется их адресованностью и проявляется в способах кодирования энигмат, присущих либо загадкам, либо шуточным вопросам, либо обоим видам ЭТ.

Общими для загадок и шуточных вопросов способами кодирования энигмат являются описание, сравнение, отрицание и противопоставление. Данные способы широко представлены в анализируемом материале, так как

благодаря ЭТ их адресат познает окружающую действительность, расширяет представления о ней, знакомится с внешними характеристиками, свойствами, функциями объектов, расширяет свой словарный запас. Названные выше способы кодирования энигмата нередко выступают в сочетании друг с другом, так как часто сложно описать объект, указав на его особенности, и не сделать при этом отгадку слишком очевидной. Отрицание и противопоставление помогают автору ЭТ избежать прямого называния особенностей кодируемого объекта, а также подчеркивают важную для отгадывания информацию. Сравнение способствует более точному описанию загаданного объекта.

Специфическими способами кодирования энигмата для загадок являются широко представленная в исследуемом материале антропоморфная, артефактная и зооморфная метафоры, которые помогают адресату соотнести образ загаданного объекта с образом, описываемым энигматором, а также «загадка в загадке».

Шуточные вопросы демонстрируют более широкий спектр специфических способов кодирования энигмата, среди которых важное место занимает языковая игра, направленная, как правило, на нарушение языковой нормы, известной адресату. Загадки от шуточных вопросов отличаются прагматической целью, авторы загадок стремятся помочь адресату с отгадкой, что влияет на выбор способа кодирования энигмата, авторы шуточных вопросов стремятся запутать адресата, не дать ему возможности правильно назвать энигмат, поэто-

му в качестве способов кодирования энигмата в шуточных вопросах наряду с языковой игрой часто встречаются такие способы кодирования энигмата, как интертекстуальность, группировка нескольких текстов, связанных логически и тематически, избыточная, уточняющая и ложная информация, имитация другого вида текста.

Список сокращений

ЭТ — энигматический текст.

List of Abbreviations

ET — Enigmatic Text.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Author Contributions

Authors contributed equally to the submission.

Литература

- Волкова, М. В. (2011) *Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Смоленск, Смоленский государственный университет, 24 с.
- Денисова, Е. А. (2008) *Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. М., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 27 с.
- Новикова, К. А. (2022) Маркеры интертекстуальности как средство выражения адресованности немецкоязычных авторских энигматических текстов конца XVIII — начала XX в. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 15, № 11, с. 3604–3609. <https://doi.org/10.30853/phil20220617>
- Селиванова, Е. А. (2014) *Энигматический дискурс: вербализация и когниция*. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 224 с.
- Струкова, Т. В. (2020a) Анаграмма как энигматический жанр. *Жанры речи*, № 4 (28), с. 302–309. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309>
- Струкова, Т. В. (2020b) Логогриф как энигматический жанр русской поэзии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, № 1 (86), с. 100–103.
- Шумарина, Т. Ф. (2014) Эпиграмма как инвективный тип энигматического текста. *Мова*, № 22, с. 103–107.
- Cook, E. (2001) The figure of enigma: Rhetoric, history, poetry. *Rhetorica*, vol. 19, no. 4, pp. 349–378. <https://doi.org/10.1353/rht.2001.0000>.

Gruenler, C. A. (2017) *Piers Plowman and the poetics of enigma: Riddles, rhetoric, and theology*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 636 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvpj75b5>

Sources

- Arndt, M. (1989) *Fingerspiele und Rätsel für Vorschulkinder [Finger games and puzzles for preschool children]*. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 296 S. (In German)
- Löwenberg, U. (2016) *Superwitzige Scherzfragen [Super funny joke questions]*. München: Ars Edition GmbH Verlag, 176 S. (In German)
- Website von Angela und Otto Janko [Website of Angela and Otto Janko]*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.janko.at> (accessed 20.04.2023). (In German)

References

- Cook, E. (2001) The figure of enigma: Rhetoric, history, poetry. *Rhetorica*, vol. 19, no. 4, pp. 349–378. <https://doi.org/10.1353/rht.2001.0000> (In English)
- Denisova, E. A. (2008) *Struktura i funktsii enigmatischeskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov) [Structure and functions of enigmatic text (on the material of Russian riddles and crosswords)]*. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology). Moscow, Lomonosov Moscow State University, 27 p. (In Russian)
- Gruenler, C. A. (2017) *Piers Plowman and the poetics of enigma: Riddles, rhetoric, and theology*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 636 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvpj75b5> (In English)
- Novikova, K. A. (2022) Markery intertekstual'nosti kak sredstvo vyrazheniya adresovannosti nemetskoyazychnykh avtorskikh enigmatischeskikh tekstov kontsa XVIII — nachala XX v. [Intertextuality markers as a means of addressing expression in German-language authorial enigmatic texts of the late XVIII — early XX century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philology. Theory & Practice*, vol. 15, no. 11, pp. 3604–3609. <https://doi.org/10.30853/phil20220617> (In Russian)
- Selivanova, E. A. (2014) *Enigmatischeskij diskurs: verbalizatsiya i kognitsiya [Enigmatic discourse: Verbalization and cognition]*. Cherkasy: Yu. Chabanenko Publ., 224 p. (In Russian)
- Shumarina, T. F. (2014) Epigramma kak invektivnyj tip enigmatischeskogo teksta [Epigram as abusive type of enigmatic text]. *Mova — Language*, no. 22, pp. 103–107. (In Russian)
- Strukova, T. V. (2020a) Anagramma kak enigmatischeskij zhanr [Anagram as an enigmatic genre]. *Zhanry rechi — Speech Genres*, no. 4 (28), pp. 302–309. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-302-309> (In Russian)
- Strukova, T. V. (2020b) Logograf kak enigmatischeskij zhanr russkoj poezii [Logograph as enigmatic genre of Russian poetry]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta — Scientific notes of Orel State University*, no. 1 (86), pp. 100–103. (In Russian)
- Volkova, M. V. (2011) *Zagadka i krossvord kak tipy teksta: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty (na materiale nemetskogo yazyka) [Riddle and crossword as texts types: Semantic and pragmatic aspects (based on the material of the German language)]*. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology). Smolensk, Smolensk State University, 24 p. (In Russian)

УДК 81'42

EDN OKUYZK

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>

Соотношение языка и власти: философский аспект

А. А. Ерофеев ¹

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Сведения об авторе

Андрей Александрович Ерофеев,
e-mail: andreyerofeev2017@gmail.com

Для цитирования: Ерофеев, А. А. (2024) Соотношение языка и власти: философский аспект. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 2, с. 103–110. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>
EDN OKUYZK

Получена 17 марта 2024; прошла рецензирование 17 мая 2024; принята 15 июня 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Ерофеев (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу философского аспекта взаимосвязи концептов «язык» и «власть», властному дискурсу и властным взаимоотношениям, реализуемым посредством языка. Властные взаимоотношения часто сводятся исключительно к сфере политики, тем самым за скобки выносятся проявления власти в институциональных дискурсах, например в пенитенциарном. Термин «дискурс» плотно вошел в терминологический аппарат философии, социологии, политологии, антропологии и т. д. Вполне естественно, что его трактовка различается в зависимости от занимаемых исследователями позиций. **Актуальность** заявленной темы статьи обусловлена, во-первых, малой изученностью проблемы соотношения языка и власти в таком виде дискурса, как пенитенциарный; во-вторых, необходимостью осмысления философского аспекта соотношения реализации языка власти, с одной стороны, и депривации доступа к дискурсу у класса людей, лишенных какой-либо власти, — с другой. **Научная новизна** статьи заключается в попытке решения задачи, имеющей существенное значение для дискурсивной лингвистики. Новизна знания, полученного в ходе исследования, определяется рассмотрением философского аспекта важнейшей проблемы современного социума — неодинаковый доступ к дискурсивной практике участников властной среды, например пенитенциарной. Основным **методом** исследования является метод критического дискурс-анализа в интерпретации М. Фуко, Т. А. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Фаулера и других исследователей. **Теоретическая значимость исследования** заключается в определении властного дискурса как типа дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические институциональные отношения. Некоторые зарубежные исследователи также уделяют внимание вопросу сопротивления власти, называя сопротивление неотъемлемой частью самой власти. **Основным итогом** проведенного исследования является установление факта того, что язык выступает единым инструментом реализации интересов как для групп власти, так и для групп сопротивления ей. Существенное различие между участниками властных взаимоотношений заключается в их неравноправии в области доступа к ограниченным нематериальным ресурсам, в частности к дискурсу.

Ключевые слова: дискурс, власть, властный дискурс, дискурс сопротивления, язык власти, язык сопротивления, эмпауэрмент

Interconnection of Language and Power: Philosophical aspect

A. A. Erofeev ¹

¹ National Research Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia

Author

Andrei A. Erofeev,
e-mail: andreyerofeev2017@gmail.com

For citation: Erofeev, A. A. (2024) Interconnection of Language and Power: Philosophical aspect. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 103–110. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-103-110>
EDN OKUYZK

Received 17 March 2024; reviewed 17 May 2024; accepted 15 June 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Erofeev (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. The article is devoted to analyzing the philosophical interconnections between “language and power”, power discourse and power relations realized through language. Power relations are often reduced to the political sphere, thus excluding the manifestation of power in other institutional discourses, such as a penitentiary discourse. The term “discourse” has entered the research vocabulary of philosophy, sociology, political science, anthropology and its interpretation varies depending on the positions taken by scholars. The **importance** of the study is based on the fact that the correlation between language and power in penitentiary discourse is not sufficiently studied. Moreover, it is important to examine the philosophical aspect of the correlation between the realization of the language of power and the deprivation of access to discourse among individuals devoid of any power. The **scientific novelty** of the article consists in the investigation of a significant problem of the discursive linguistics. The **novelty** of the knowledge obtained is based on the examination of the philosophical aspect of the most important social problem — inequality of access to discursive practices of one sector of the society, for example, in the penitentiary discourse. The **main research method** used is the critical discourse analysis method in the interpretation of M. Foucault, T. A. van Dijk, N. Fairclough, R. Fowler and other researchers. The **theoretical significance** of the study lies in the definition of power discourse as a discourse that establishes hierarchical institutional relations through utterances or other communicative acts. Power discourse exhibits also resistance to power. The **main result** of the research is the fact that the speech act can be interpreted as a common tool for the realization of the interests of the both groups: power and resistance to power. The essential difference between the participants of power relations lies in their unequal access to discourse.

Keywords: discourse, power, discourse of power, resistance discourse, language of power, language of resistance, empowerment

Введение

Общеизвестным является тот факт, что в любой области человеческой деятельности и взаимоотношений вербальная коммуникация играет ведущую роль. Обращаясь к феномену власти, невозможно игнорировать его очевидную связь с языком и определенную зависимость институтов власти от языка. Несмотря на достаточно хорошую разработанность проблемы реализации власти средствами языка, особенно в сфере политики, работ, посвященных обратной стороне власти — сопротивлению, — мало, и в основном манифестации сопротивления в языке рассматриваются попутно в рамках какого-либо более широкого явления.

Цели исследования заключаются в рассмотрении философского аспекта взаимосвязи концептов «язык» и «власть». При обращении к классическим работам по теории критического дискурса-анализа (КДА) выделяются основополагающие тезисы, которые оказали влияние на современные работы данного направления

в отечественной и зарубежной лингвистике. Указанное нами отсутствие целостной и развитой концепции «сопротивления в языке» в современной научной литературе, обуславливает актуальность темы.

Основная часть

Поскольку манифестации языка возможно наблюдать только при его реализации, представляется вполне обоснованным рассматривать взаимосвязь власти и дискурса. Прежде всего следует обратиться к существующим дефинициям терминов «дискурс» и «власть», которые используются в данной работе. Т. А. ван Дейк дифференцирует понятия «текст» и «дискурс» следующим образом: «Дискурс — это актуально произнесенный текст, а текст — это абстрактная грамматическая структура произнесенного». Кроме того, этот автор предлагает определять дискурс в широком значении как «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе

коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» (перевод А. Дерябина) (van Dijk 1998, 194). Н. Д. Арутюнова полагает, что дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (Арутюнова 1990, 136–137). Проанализировав различные варианты трактовки дискурса, Е. И. Шейгал выделяет, помимо прочего, определение дискурса как коммуникативного события, которое заключается «во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных контекстах общения» (Шейгал 2004, 10–12). Поскольку данное исследование направлено на изучение манифестаций языка в пределах пенитенциарного социального института, наиболее релевантной представляется последняя интерпретация, которая взята за основу.

Обратимся к философскому аспекту понятия «власть». Традиционно власть представляется как некое принуждение, которое поддерживается соответствующими социальными институтами. М. Вебер характеризует «власть А над Б как способность А добиться, чтобы Б сделал то, что по своей воле он делать бы не стал» (Бойцова 2018, 57). Б. Рассел подходит к понятию «власть», отталкиваясь от того, как ее осуществляют организации, сплоченные общими целями и имеющие четкую иерархию и структуру: армия и полиция реализуют «власть над телом», экономические организации используют систему вознаграждений и наказаний с целью поощрения или устрашения, а школа, политические партии, религиозные организации используют методы формирования убеждений людей (Колесников 2014, 150). «Большая российская энциклопедия» связывает власть с определенным потенциалом, которым располагает субъект для воздействия на состояние, сознание и поведение объекта (Ледяев 2023). Очевидно, что понятие «власть» не обязательно должно ограничиваться исключительно политической системой. Способность оказывать определенное воздействие на человека посредством языка не замкнуто сферой политики. Акцентирование внимания на выделенном нами положении неслучайно, поскольку многие исследователи, подходящие к изучению властного дискурса (или дискурса власти), в первую очередь затрагивали именно

политический дискурс. Это отражено в работах многих отечественных исследователей, например: А. Н. Баранова, Г. Г. Матвеевой, И. В. Самариной и Л. Н. Селиверстовой, Н. В. Морозовой (Баранов 2001; Матвеева и др. 2008; Морозова 2015). В данном исследовании автор придерживается позиции, высказанной Н. В. Тищенко: «...властный дискурс — тип дискурса, который посредством высказывания или иных коммуникативных актов устанавливает иерархические отношения» (Тищенко 2016, 139). Исходя из этого, можно прийти к выводу, что властный дискурс подразумевает наличие определенной иерархии.

Принято считать, что предтечей анализа властного дискурса являются работы М. Фуко (Michel Foucault). Согласно М. Фуко, дискурсивные практики выступают основным инструментом освоения окружающей действительности. М. Фуко наделяет дискурс не просто властными полномочиями, но и «непредсказуемостью», «угрожающей материальностью» (Фуко 1996, 50). В связи с «полновластностью» дискурса его производство «контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур». К числу инструментов контроля относятся запрет и табу, разделение и отбрасывание, введение права на дискурс (Эрибон 2008, 241).

Анализируя исследования западных ученых, нельзя не принять во внимание тот факт, что концепт власти является центральным для последователей критического дискурс-анализа ('critical discourse analysis'). Данное направление в аналитических исследованиях дискурса сосредоточивает свое внимание на актуальных проблемах общества и путях их решения, функциях дискурса и реализации власти посредством него (Fairclough, Wodak 1997, 258).

Факту, что власть (которая отождествляется с понятием control — 'контроль') реализуется в обществе посредством языка, посвящена вышедшая еще в 70-е гг. работа Р. Фаулера (Roger Fowler), Боба Ходжа (Bob Hodge), Гюнтера Кресса (Gunther Kress) и Тони Трю (Tony Trew) «Язык и контроль» ('Language and Control'). Основную мысль исследования автор выразил следующим образом:

A major function of sociolinguistic mechanism is to play part in the control of members of subordinate groups by members of dominant groups [Основной функцией социолингвистического механизма является содействие осуществлению контроля группами власти над группами подчинения (перевод А. Ерофеева)] (Fowler et al. 1979, 2).

Т. А. ван Дейк, рассуждая о взаимосвязи языка и власти ('language and power'), рассматривает дискурсы политики, медиа, образовательных и социально-экономических учреждений. По мнению Т. А. ван Дейка, транслирование властного дискурса проявляется на уровне подбора тем, семантики, лексики, синтаксиса, стилистики и т. д. Власть наиболее эксплицитно выражается в организации и контроле процесса коммуникации, которые могут наблюдаться повсеместно. Социальная, экономическая и политическая власть основаны на доступе к дефицитным социальным ресурсам или в контроле над ними, и сюда относятся не только материальные ресурсы, но также знания, образование и особенно доступ к публичному дискурсу и контроль над ним (van Dijk 1998, 44).

Н. Фэрклоу (Norman Fairclough) в работе «Язык и власть» ('Language and Power') приходит к однозначному выводу: дискурс играет центральную роль в развитии современных форм власти. Согласно его мнению, никто из тех, кто стремится заполучить власть, не должен игнорировать язык, поскольку власть осуществляется с помощью языка идеологии; язык включен во власть и вовлечен в борьбу за власть; контроль над дискурсом со стороны власть имущих является одним из факторов сохранения их положения (Fairclough 1989, 3). Н. Фэрклоу там же обозначает основные механизмы власти — принуждение и согласие ('coercion and consent') (Fairclough 1989, 33). Последняя мысль явно перекликается с идеей Р. Барта о том, что власть и язык соотносятся либо в области сотрудничества, либо в области борьбы: «Одни языки высказываются, развиваются, получают свои характерные черты в свете или под сенью Власти. <...> Другие же языки вырабатываются, обретаются, вооружаются вне Власти и/или против нее» (Барт 1989, 536–537).

Основываясь на изложенной выше позиции, обозначим две главные стороны властных отношений: собственно властвующая и находящаяся в подчинении (угнетенная). Последняя также распадается на две основные группы: согласные с властью и сопротивляющиеся ей. Стоит, однако, указать на то, что, хотя цели и интересы сторон во властных отношениях, очевидно, прямо противоположны, стороны не обязательно находятся в состоянии прямого столкновения. Для описания подобного положения перманентной провокации М. Фуко вводит термин «агонизм», который обозначает скорее соперничество, нежели конфронтацию (Foucault 1982, 790).

Несмотря на явный антагонизм власти и сопротивления ввиду очевидной противоположности целей (подчинение субъектов и выход из-под подчинения соответственно), тем не менее ошибочно было бы предположить, что изучение этих явлений следует проводить обособленно. Так, например, исследователь пенициарного дискурса А. Майр (Andrea Mayr) утверждает, что сопротивление власти, какую бы форму она ни принимала, является ее неотъемлемой частью. Совершенно однозначно можно констатировать, что исключением не может являться и реализация власти в дискурсе (Mayr 2003, 140).

М. Фуко настаивает на том, что для понимания концепта власти ('power') непременно стоит обратиться к противоположному, оппозиционному явлению, в качестве которого, в его представлении, выступает именно сопротивление (в работах М. Фуко используются такие термины, как *resistance*, *struggle*, *agonism*) (Foucault 1982, 780–790). Сходные идеи можно обнаружить и в исследованиях последователей критического дискурс-анализа. Т. А. ван Дейк среди общих тенденций в работах представителей этого подхода называет особый интерес не только к тому, как власть реализуется и воспроизводится в обществе, но и к тому, как определенные группы могут посредством дискурса пытаться выйти из-под подчинения (van Dijk 2001, 353).

Исходя из сказанного выше, можно прийти к однозначному выводу о том, что при изучении властных дискурсов необходимо также рассматривать связанные с ними дискурсы сопротивления власти ('resistance discourse') и язык сопротивления ('resistance language'). Однако перечисленные ранее работы западных ученых не содержат систематических обзоров и глубокого анализа дискурса сопротивления и отдельно языка групп сопротивления. Современные исследования, посвященные критическому изучению дискурса, часто концентрируются на таких темах, как политический популизм (Kopytowska 2020; Lamour 2022; Maydell et al. 2021), борьба за права женщин (Esposito, Sinatora 2021; Peng et al. 2024), деколониальный дискурс (Ahmed 2020; de Melo Resende 2018), трансляция дискурса власти посредством социальных медиа (Igwebuike, Chimuanya 2024; KhosraviNik 2020) и др., и также не рассматривают особенности реализации сопротивления средствами языка. В связи с этим имеет смысл сосредоточиться на рассмотрении тех некоторых работ, которые в разных аспектах затрагивают данную тематику.

Примеры манифестаций языка сопротивления могут быть самыми разнообразными, поскольку любой тип противостояния угнетению, борьбы с властью или за нее предполагает использование языка. В области идеологического противостояния язык может выступать одновременно и как символ борьбы, и как средство выражения идеологии. Так, в Средние века в Европе на основе народно-разговорных языков начинают складываться литературные языки, что способствует развитию национального самосознания и борьбы с невежеством. Наиболее прогрессивные деятели Эпохи гуманизма берут язык на вооружение, встают на путь просвещения народа и противостояния консерваторам, стремящимся свернуть идущие процессы ради удержания своих господствующих позиций (Сергеев 2012, 47).

В России во второй половине XIX века, в период активного становления гражданского общества, язык также оказывается в центре острой идеологической борьбы: реакционеры в виде официальной власти всячески препятствуют проникновению в публичную коммуникацию таких терминов, как «революция», «гражданин», «пролетариат», «кризис», которые активно использовались сторонниками качественного преобразования общества и политической системы страны (Сергеев 2012, 47).

В некоторые исторические моменты язык может стать едва ли не единственным оставшимся средством противостояния грубой силе. Так, в период нацистской оккупации Чехии большое распространение среди населения получают анекдоты, напрямую или скрытно высмеивающие захватчиков. Устный фольклор, содержащий юмор и острую сатиру, способствовал консолидации общества, давал надежду на перемены для многих людей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли примкнуть к вооруженному сопротивлению (Bryant 2006, 150).

В современном мире наиболее яркими манифестациями дискурса сопротивления являются, пожалуй, выступления правозащитников и борцов с дискриминацией и нетерпимостью. В качестве примера можно отметить Нобелевскую речь лауреата премии мира Тавакуль Карман, йеменского общественно-политического деятеля и защитника прав женщин. По мнению исследователей, выбранные Т. Карман темы выступления, а также используемые ей лексико-грамматические средства бросают вызов традиционной патриархальной власти и вносят значимый вклад в конструирование новой гендерной идентичности женщин в исламских

странах (Nadeem 2011, 8). Важно подчеркнуть тот факт, что актуальные исследования дискурса сопротивления также могут способствовать процессу, получившему название «эмпваэрмент» ('empowerment') (Киенко 2022, 288) — активизации ресурсов тех групп, которые ввиду сложившихся общественных отношений лишены доступа к дискурсу и, как следствие, не имеют никакой власти в обществе, не вовлечены в активное преобразование окружающей социальной действительности (Cameron et al. 1999, 141–142). Скептического взгляда на значимость борьбы для угнетенных групп за доступ к дискурсу быть не может. Наличие возможности транслировать свою точку зрения на окружающую действительность, отстаивать свои права и интересы позволяет добиться власти в обществе даже меньшинствам. Так, в результате проводимой Евросоюзом миграционной политики, включающей принципы солидарности и интеграции мигрантов в социальную и политическую жизнь общества (что включает также и доступ к общенациональным ресурсам), в странах Европы стали появляться политические партии, отстаивающие интересы этнонациональных меньшинств, а в Нидерландах одна такая партия (DENK) даже получила места в парламенте (Netherlands... 2023).

Анализ приведенных выше примеров реализации сопротивления в дискурсе позволяет сделать вывод, что язык и здесь выступает основным инструментом борьбы против власти. Иными словами, несмотря на противоположность интересов и целей сторон властных отношений, тем не менее используемые ими средства совпадают.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что изучение взаимосвязи власти и языка относится к области дискурсных исследований. Дискурс власти не ограничивается исключительно политической сферой, поскольку концепт власти применим практически к любой области человеческих взаимодействий, подразумевающей наличие принуждения, с одной стороны, и подчинения или сопротивления — с другой.

Язык представляет собой социальную практику, которая формирует общественные отношения, в том числе властные. Посредством дискурса и наличия контроля над ним власть формирует систему и обеспечивает (или пытается обеспечить) ее стабильность, в то время как сопротивление, борьба за власть, стремится

кардинально изменить (путем получения в руки власти) или хотя бы улучшить свое положение в сложившейся системе. При этом обе стороны властных взаимоотношений, преследующих диаметрально противоположные цели, располагают единым инструментарием — языком. Существенное различие между группами власти и сопротивления лежит в возможности реализации этого важнейшего инструмента, поскольку обнаруживается существенное неравенство сторон в области ограниченного доступа к нематериальным ресурсам. Дальнейшее исследование заявленной проблематики будет сфокусировано на более глубокой разработке реализации языка власти в институциональных дискурсах, в частности пенитенциарном.

Список сокращений

КДА — критический дискурс-анализ

List of Abbreviations

CDA — critical discourse analysis

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1990) Дискурс. В кн.: В. Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с. 136–137.
- Баранов, А. Н. (2001) *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 358 с.
- Барт, Р. (1989) *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, 616 с.
- Бойцова, О. Ю. (2018) «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, № 1, с. 55–62.
- Киенко, Т. С. (2022) Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки. *Социологическое обозрение*, т. 21, № 2, с. 274–303. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-274-303>
- Колесников, А. С. (2014) Проблема власти в философии Бертрانا Рассела. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 25 (354), с. 148–153.
- Ледяев, В. Г. (2023) Власть. *Большая российская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/vlast-048252> (дата обращения 04.02.2024).
- Матвеева, Г. Г., Самарина, И. В., Селиверстова, А. Н. (2008) Взаимосвязь языка и власти. *Философия права*, № 6 (31), с. 90–95.
- Морозова, Н. В. (2015) Два измерения соотношения языка и власти. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, № 2, с. 144–122.
- Сергеев, Ф. П. (2012) Из истории взаимоотношений идеологии и языка. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, № 11 (75), с. 46–52.
- Тищенко, Н. В. (2016) Властный дискурс. *Дискурс-Пи*, № 1 (22), с. 139–141.
- Фуко, М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 448 с.
- Шейгал, Е. И. (2004) *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 324 с.
- Эрибон, Д. (2008) *Мишель Фуко*. М.: Молодая гвардия, 384 с.
- Ahmed, Y. (2020) Political discourse analysis: A decolonial approach. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 139–155. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1755707>
- Bryant, C. (2006) The language of resistance? Czech jokes and joke-telling under Nazi occupation, 1943–45. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, pp. 133–151. <https://doi.org/10.1177/0022009406058687>
- Cameron, D., Frazer, E., Harvey, P. et al. (1999) Power/knowledge: The politics of social science. In: A. Jaworski, N. Coupland (eds.). *The Discourse reader*. London: Routledge Publ., pp. 141–157.
- De Melo Resende, V. (2018) Decolonizing critical discourse studies: For a Latin American perspective. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/17405904.2018.1490654>
- Esposito, E., Sinatora, F. L. (2021) Social media discourses of feminist protest from the Arab Levant: Digital mirroring and transregional dialogue. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 5, pp. 502–522. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1999291>
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London; New York: Longman Publ., 259 p.
- Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: T. A. van Dijk (ed.). *Discourse studies: A multidisciplinary introduction*. Vol. 2. *Discourse as social interaction*. London: Sage Publ., pp. 258–284.
- Foucault, M. (1982) The subject and power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no. 4, pp. 777–795.

- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. (1979) *Language and control*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 224 p.
- Igwebuike, E. E., Chimuanya, L. (2024) Self-promotion, ideology and power in the social media posts of Nigerian female political leaders. *Journal of Language and Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 67–90. <https://doi.org/10.1075/jlp.22148.igw>
- KhosraviNik, M. (2020) Digital meaning-making across content and practice in social media critical discourse studies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 119–123. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1835683>
- Kopytowska, M. (2020) Proximization, presumption and salience in digital discourse: On the interface of social media communicative dynamics and the spread of populist ideologies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 144–160. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1842774>
- Lamour, C. (2022) Right-wing populist media events in Schengen Europe: The negotiated border discourse in-between nation states. *Journal of Language and Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1075/jlp.20066.lam>
- Maydell, E., Tuffin, K., Brittain, E. (2021) The effect of media populism on racist discourse in New Zealand. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 309–325. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1874449>
- Mayr, A. (2003) *Prison discourse: Language as a means of control and resistance*. London: Palgrave Macmillan Publ., 257 p. <https://doi.org/10.1057/9780230511965>
- Nadeem, N. M. (2011) Language of resistance, gender and power in Tawakol Karman's Nobel Prize Speech. In: A. Isman (ed.). *Education of citizenship and democracy in Turkey, International conference New Horizons in education*. [S. L.]: [s. n.], pp. 2507–2528. [Online]. Available at: https://scholar.cu.edu.eg/sites/default/files/nahla/files/language_of_resistance.pdf (accessed 05.02.2024).
- Netherlands: 2023 general election. (2023) *Politico. Poll of Polls*. [Online]. Available at: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/netherlands/?ref=vashtimedia.com> (accessed 12.01.2024).
- Peng, A. Y., Wu, C., Chen, M. (2024) Sportswomen under the Chinese male gaze: A feminist critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2098150>
- Van Dijk, T. A. (1998) *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage Publ., 384 p.
- Van Dijk, T. A. (2001) Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Malden: Blackwell Publ., pp. 352–371.

References

- Ahmed, Y. (2020) Political discourse analysis: A decolonial approach. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 139–155. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1755707> (In English)
- Arutyunova, N. D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia Publ., pp. 136–137. (In Russian)
- Baranov, A. N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [An introduction to applied linguistics]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 358 p. (In Russian)
- Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]*. Moscow: Progress Publ., 616 p. (In Russian)
- Boitsova, O. Yu. (2018) “Vlast” kak kontsept: fiksatsiya smyslov v yazyke i ikh interpretatsiya v sovremennoj politicheskoy filosofii [The power as a concept: Fixing the meanings in the language and their interpretation in modern political philosophy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya — Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 1, pp. 55–62. (In Russian)
- Bryant, C. (2006) The language of resistance? Czech jokes and joke-telling under Nazi occupation, 1943–45. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, pp. 133–151. <https://doi.org/10.1177/0022009406058687> (In English)
- Cameron, D., Frazer, E., Harvey, P. et al. (1999) Power/knowledge: The politics of social science. In: A. Jaworski, N. Coupland (eds.). *The Discourse reader*. London: Routledge Publ., pp. 141–157. (In English)
- De Melo Resende, V. (2018) Decolonizing critical discourse studies: For a Latin American perspective. *Critical Discourse Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/17405904.2018.1490654> (In English)
- Eribon, D. (2008) *Mishel' Fuko [Michel Foucault]*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 384 p. (In Russian)
- Esposito, E., Sinatora, F. L. (2021) Social media discourses of feminist protest from the Arab Levant: Digital mirroring and transregional dialogue. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 5, pp. 502–522. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1999291> (In English)
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London; New York: Longman Publ., 259 p. (In English)
- Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: T. A. van Dijk (ed.). *Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction*. London: Sage Publ., pp. 258–284. (In English)
- Foucault, M. (1982) The subject and power. *Critical Inquiry*, vol. 8, no. 4, pp. 777–795. (In English)
- Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of various years]*. Moscow: Kastal' Publ., 448 p. (In Russian)
- Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., Trew, T. (1979) *Language and control*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul Publ., 224 p. (In English)

- Igwebuike, E. E., Chimuanya, L. (2024) Self-promotion, ideology and power in the social media posts of Nigerian female political leaders. *Journal of Language and Politics*, vol. 23, no. 1, pp. 67–90. <https://doi.org/10.1075/jlp.22148.igw> (In English)
- Kienko, T. S. (2022) The empowerment approach as a methodology for research and overcoming social issues of people, groups, and communities in mutual activities: Review and research framework. *Sotsiologicheskoe obzrenie — Russian Sociological Review*, vol. 21, no. 2, pp. 274–303. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-274-303> (In Russian)
- KhosraviNik, M. (2020) Digital meaning-making across content and practice in social media critical discourse studies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 119–123. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1835683> (In English)
- Kolesnikov, A. S. (2014) Problema vlasti v filosofii Bertrana Rassela [Problem of power in Bertrand Russell philosophy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 25 (354), pp. 148–153. (In Russian)
- Kopytowska, M. (2020) Proximization, presumption and salience in digital discourse: On the interface of social media communicative dynamics and the spread of populist ideologies. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 144–160. <https://doi.org/10.1080/17405904.2020.1842774> (In English)
- Lamour, C. (2022) Right-wing populist media events in Schengen Europe: The negotiated border discourse in-between nation states. *Journal of Language and Politics*, vol. 21, no. 4, pp. 521–543. <https://doi.org/10.1075/jlp.20066.lam> (In English)
- Ledyayev, V. G. (2023) Vlast' [Power]. *Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya [The Great Russian encyclopedia]*. [Online]. Available at: <https://bigenc.ru/c/vlast-048252> (accessed 04.02.2024). (In Russian)
- Matveeva, G. G., Samarina, I. V., Seliverstova, L. N. (2008) Vzaimosvyaz' yazyka i vlasti [The interrelation of language and power]. *Filosofiya prava*, no. 6 (31), pp. 90–95. (In Russian)
- Maydell, E., Tuffin, K., Brittain, E. (2021) The effect of media populism on racist discourse in New Zealand. *Critical Discourse Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 309–325. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1874449> (In English)
- Mayr, A. (2003) *Prison discourse: Language as a means of control and resistance*. London: Palgrave Macmillan Publ., 257 p. <https://doi.org/10.1057/9780230511965> (In English)
- Morozova, N. V. (2015) Dva izmereniya sootnosheniya yazyka i vlasti [Two dimensions of language and power relation]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya" — RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 144–122. (In Russian)
- Nadeem, N. M. (2011) Language of resistance, gender and power in Tawakol Karman's Nobel Prize Speech. In: A. Isman (ed.). *Education of citizenship and democracy in Turkey, International conference New Horizons in education*. [S. L.]: [s. n.], pp. 2507–2528. [Online]. Available at: https://scholar.cu.edu.eg/sites/default/files/nahla/files/language_of_resistance.pdf (accessed 05.02.2024). (In English)
- Netherlands: 2023 general election. (2023) *Politico. Poll of Polls*. [Online]. Available at: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/netherlands/?ref=vashtimedia.com> (accessed 12.01.2024). (In English)
- Peng, A. Y., Wu, C., Chen, M. (2024) Sportswomen under the Chinese male gaze: A feminist critical discourse analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 21, no. 1, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1080/17405904.2022.2098150> (In English)
- Sergeev, F. P. (2012) Iz istorii vzaimootnoshenij ideologii i yazyka [From the history of interrelations between ideology and language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 11 (75), pp. 46–52 (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow: Gnozis Publ., 324 p. (In Russian)
- Tishchenko, N. V. (2016) Vlastnyj diskurs [The discourse of power]. *Diskurs-Pi — Discourse-P*, no. 1 (22), pp. 139–141. (In Russian)
- Van Dijk, T. A. (1998) *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage Publ., 384 p. (In English)
- Van Dijk, T. A. (2001) Critical discourse analysis. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Malden: Blackwell Publ., pp. 352–371. (In English)

УДК 811.134.2

EDN TIFJXY

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-111-120>

Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е годы

А. А. Терещук ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Андрей Андреевич Терещук,
SPIN-код: [1210-6319](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
Scopus AuthorID: [57196032112](https://orcid.org/57196032112),
ResearcherID: [R-5417-2019](https://orcid.org/R-5417-2019),
ORCID: [0000-0001-8838-9302](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
e-mail: atereschuk@ Herzen.spb.ru

Для цитирования: Терещук, А. А. (2024) Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е годы.

Исследования языка и современное гуманитарное знание, т. 6, № 2, с. 111–120. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-111-120>
EDN TIFJXY

Получена 17 мая 2024; прошла рецензирование 26 июня 2024; принята 27 июня 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Терещук (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозного компонента в политическом дискурсе карлистов в период Первой Карлистской войны в Испании (1833–1840). Показывается, что с самого начала конфликта аргумент о необходимости «защиты» католической веры от «угрозы» со стороны либеральных реформаторов использовался в пропаганде сторонников дона Карлоса с целью обоснования восстания против правительства в Мадриде. Источником для проведения настоящего исследования послужили тексты 103 программных документов испанского карлизма (манифестов, обращений, приказов по армии и др.). Авторами данных текстов стали сам дон Карлос и ряд других представителей верхушки карлистского движения. Временные рамки исследования: 1 октября 1833 г. — 14 июля 1840 г. В данных текстах были выделены лексические единицы (имена существительные и прилагательные, а также субстантивные группы), которые употреблялись по отношению к противникам карлистов (либералам). Было зафиксировано 19 лексических единиц, которые относятся к семантическому полю «религия» и используются для создания образа неприятеля. Данные лексические единицы употребляются в проанализированных текстах 40 раз. Чаще всего встречаются лексемы «imprío» («безбожный») (11 раз) и «impiedad» («безбожие») (7 раз). Показывается, что лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «религия», пересекаются с политической лексикой. Так, имя прилагательное «imprío» два раза сочетается с лексемой «revolución» («революция»). Делается вывод о том, что в языке испанского карлизма в изучаемый период отсутствовала четкая граница между политическим и религиозным дискурсом.

Ключевые слова: лексикология, язык карлизма, политический дискурс, Первая Карлистская война, религиозный дискурс, семантическое поле

Religious component in Carlist political discourse in the 1830s

A. A. Tereshchuk ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Andrei A. Tereshchuk,
SPIN: [1210-6319](https://orcid.org/1210-6319), Scopus AuthorID:
[57196032112](https://orcid.org/57196032112), ResearcherID: [R-5417-2019](https://orcid.org/R-5417-2019), ORCID: [0000-0001-8838-9302](https://orcid.org/0000-0001-8838-9302),
e-mail: atereschuk@herzen.spb.ru

For citation: Tereshchuk, A. A. (2024) Religious component in Carlist political discourse in the 1830s. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 111–120. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-111-120> EDN TIFJXY

Received 17 May 2024; reviewed 26 June 2024; accepted 27 June 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Tereshchuk (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the religious component in the political discourse of the Carlists during the First Carlist War in Spain. It is shown that from the very beginning of the conflict, the religious factor was used in the propaganda of supporters of Don Carlos to justify the uprising against the government in Madrid. The source for this study are the texts of 103 policy documents of Spanish Carlism (manifestos, appeals, etc.). The authors of these texts were Don Carlos himself, as well as a number of other representatives of the top officers of the Carlist movement. Time frame of the study: October 1, 1833 — July 14, 1840. In these texts, lexical units (nouns and adjectives, as well as substantive groups) that were used in relation to the opponents of the Carlists were identified. 19 lexical units were recorded that belong to the semantic field “religion” and are used to create an image of the enemy. These lexical units are used 40 times in the analyzed texts. The most common lexemes are “impío” (“godless”) (11 times) and “impiedad” (“godlessness”) (7 times). It is shown that lexical units related to the semantic field “religion” combine with political vocabulary. Thus, the adjective “impío” is used twice with the lexeme “revolución” (“revolution”). It is concluded that in the language of Spanish Carlism during the period under study there was no clear boundary between political and religious discourse.

Keywords: lexicology, Carlist discourse, political discourse, First Carlist War, religious discourse, semantic field

В самом начале XXI века Вяч. Вс. Иванов, рассуждая о перспективах дальнейшего развития науки о языке, отмечал ту роль, которую в современной лингвистике приобрело изучение дискурса и «обширных отрезков речи» (Иванов 2004, 84). Хотя зачатки дискурсивного анализа появляются уже в работах некоторых лингвистов XIX — первой половины XX веков — В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, русских формалистов, представителей Пражского лингвистического кружка и др. (Кибрик 2019, 130–131) — анализ дискурса выделяется в качестве отдельного направления исследований только во второй половине прошлого столетия. Сам термин «дискурс», часто употребляющийся в гуманитарных науках, не имеет единого, общепризнанного определения: представители различных научных школ по-разному понимают его природу (Прилуцкий, Андреева 2015, 158). Так, например, З. Харрис, который в 1952 году ввел в широкий научный оборот термин «дискурсивный анализ», давал следующее определение дискурса: «Предложения, последовательно произнесенные или написанные одним или несколькими людьми в определенной ситуации» (Harris 1952, 3). Совершенно иное понимание дискурса можно встретить в работах М. Фуко, одного из ведущих представителей французской школы дискурс-анализа. Для него дискурс является сочетанием

«уже-сказанного» и «никогда-не-сказанного». «Уже-сказанное является, может быть, не просто уже произнесенным предложением, уже написанным текстом, но “когда-то произнесенным”, бесплотным дискурсом», — указывает французский философ (Фуко 2004, 69).

В настоящей работе мы будем отталкиваться от определения дискурса, сформулированного А. А. Кибриком: «Комплексный феномен, объединяющий и динамический, и статический аспекты, в современной лингвистике именуется дискурсом <...> дискурс — это единство процесса языковой деятельности и ее результата» (Кибрик 2019, 127). Одна из разновидностей данного феномена — это политический дискурс, являющий собой отражение «борьбы различных сил за обладание властью, представляющую собой основную проблему политики» (Мурзин 2023, 34). Как отмечает Д. Вильсон, термин «политический дискурс» имеет «потенциально противоречивую природу», потому что, с одной стороны, любой дискурс «политичен сам по себе» (‘is itself political’), а с другой — анализ политического дискурса является просто одной из разновидностей дискурсивного анализа (Wilson 2005, 398). Кроме того, возникает проблема с определением границ политической сферы: в той или иной степени с ней связаны не только профессионалы, но и все граждане

государства, имеющие избирательные права (van Dijk 1997, 13). В современной лингвистике отсутствует общепринятое определение политического дискурса. Под политическим дискурсом мы будем понимать языковое выражение общественной практики в политической сфере; для его интерпретации необходимо учитывать целый ряд экстралингвистических факторов, которые определяют его реализацию (Ларионова 2023, 75; Чудинов 2006, 41).

В настоящее время большинство исследований, посвященных политическому дискурсу, основаны на современной политической коммуникации (Будаев, Чудинов 2018, 16). При этом исторический подход к изучению политического дискурса также имеет право на существование: в рамках данного подхода «дается характеристика дискурсов прошлых времен, описание субъектов политической деятельности, принципов исторической, поколенческой герменевтики при трактовке политических событий» (Новикова 2021, 12). Изучение истории политической коммуникации может быть релевантным для понимания процессов, происходящих в современном мире. Как указывает В. А. Андреева, «политический нарратив всегда устанавливает диалог между настоящим и прошлым: взгляд в прошлое должен оправдать настоящее» (Андреева 2019, 43).

Многие особенности политической коммуникации могут сохраняться на протяжении столетий. Так, центральную роль в политическом дискурсе играет оппозиция «свой» — «чужой» (Гончарова 2021, 104–105; Кузьминская 2016, 49; Прилуцкий 2015, 67; Chilton 2004, 159); данное заключение в равной степени верно и для языка современной политики, и для политической коммуникации прошлых времен. При этом некоторые дискурсивные практики западных политиков XXI века могут сильно отличаться от практик их предшественников даже в сравнительно близкую к нашему времени эпоху — XIX столетие. В частности, одним из примеров является соотношение между политическим и религиозным дискурсом.

«Американский дискурс, как и западный политический дискурс в целом, исторически отделяет религиозный дискурс от политического» (Chilton 2004, 165), — пишет британский лингвист П. Чилтон и продолжает: «Американская политическая риторика включает религиозный язык и религиозные речевые акты, однако им отводится определенное место в публичных выступлениях, обычно в заключении» (Chilton 2004, 174). В то же время, обращаясь к анализу языка некоторых политических движений в Ев-

ропе XIX века, нельзя не отметить, что религиозный компонент играет важную роль в их дискурсе. Примером подобного движения является испанский карлизм.

Карлизм, оформившийся в качестве отдельного субъекта испанской политики в 1833 году, существует и в настоящее время, являясь одним из старейших политических движений в мире. Его идеология постоянно претерпевала серьезные изменения, но в качестве основных, неизменных ее элементов можно выделить монархизм, консерватизм и католический традиционализм (Айусо Торрес 2019; Василенко 2019; Терещук 2020; Fornés Murciano 2010; Martín Etxebarria 2023). Карлисты получили свое название по имени претендента на испанский престол Карлоса Марии Исидро де Бурбона (дона Карлоса), который в 1833 году, после смерти своего старшего брата, короля Фердинанда VII, поднял восстание против правительства в Мадриде, признавшего наследницей малолетнюю дочь покойного монарха, принцессу Изабеллу. Вооруженное противостояние между карлистами и либералами¹ вошло в историю как Первая Карлистская война, которая продлилась до 1840 года и закончилась поражением карлистов (Терещук 2023; Lawrence 2014).

Хотя династический спор стал только поводом для начала вооруженного конфликта, вызванного целой совокупностью социально-экономических факторов (Tereshchuk 2022), карлистская пропаганда выставляла на первый план юридический (представление дона Карлоса в качестве легитимного монарха) и религиозный факторы. «Цель, которую я перед собой ставлю, — это не только защита моих прав, но и сохранение нашей святой религии, которую безбожная секта, желающая господствовать в Испании, поклялась уничтожить» [Dans le but que je me propose, j'ai non seulement en vue la défense de mes droits, mais encore la conservation de notre sainte religion que la sécte impie qui veut dominer l'Espagne a juré d'anéantir], — писал дон Карлос римскому Папе Григорию XVI 16 декабря 1834 года, объясняя причины, по которым карлисты подняли восстание на севере Испании (Tereshchuk 2020b, 26). Конечно, некоторые события 1830-х годов могли навести карлистов на мысль, что их противники действительно ведут борьбу против католической веры: например, антиклерикальный погром в Мадриде летом

¹ Достаточно условный термин, которым в Испании XIX века называли людей самых разных взглядов, выступавших за ряд изменений в обществе; о семантическом сдвиге у лексемы «liberal» в испанском языке той эпохи см. Лапеса (Lapesa 1981, 433).

1834 года или конфискация монастырских земель в 1835–1836 годах. Тем не менее очевидно, что либеральные реформаторы в Испании XIX века были далеки от идеи построения атеистического общества и в большинстве своем сами были католиками. Расхождение с карлистами в религиозном вопросе было связано с представлением о том, какую роль Церковь должна играть в жизни общества. Значимость религиозного компонента в идеологии раннего карлизма уже неоднократно отмечалась в научной литературе (Fornés Murciano 2010, 39; Pérez 1996, 571; Rújula López, Sonetti 2017, 28). Однако данный вывод делался на основании общего впечатления авторов от знакомства с работами идеологов движения, а не по результатам строгого лингвистического анализа текстов, относящихся к карлистскому политическому дискурсу; каталонский исследователь Л. Ф. Толедано с сожалением отмечает, что их комплексного изучения пока еще не было проведено (Toledano González 2021, 181).

В настоящей статье мы обращаемся к изучению религиозного компонента в программных текстах раннего карлизма. Подробное описание всех христианских мотивов в карлистском дискурсе потребовало бы создания целой серии статей, поэтому в данной работе анализируется использование религиозной тематики при создании образа «врага» (как уже было отмечено, дихотомия «свой» — «чужой» является одной из центральных в политическом дискурсе). Временные рамки исследования: 1 октября 1833 года — 14 июля 1840 года, то есть период Первой Карлистской войны в Испании.

Было проанализировано 103 документа, которые определены как «программные». Данные тексты предназначались не для внутреннего, служебного пользования, они были обращены к широким слоям населения, то есть мы анализируем подборку манифестов ('manifestos'), заявлений ('proclamas'), воззваний ('alocuciones'), текстов речей ('discursos'), циркулярных писем ('circulares'), приказов по армии ('órdenes del día') и указов ('bandos'), которые выпускались руководством карлистского движения. Используемые в качестве источника материалы были опубликованы в томах III–XVII «Истории испанского традиционализма» ('Historia del tradicionalismo español'), которая была выпущена авторским коллективом под руководством М. Феррера² в 1941–1979 годах (Ferrer et al. 1941–1979). Авторами изучаемых текстов были

сам дон Карлос (25 документов), командующий карлистской армией в регионе Маэстразго Р. Кабрера (14), командующий карлистской армией на Северном фронте Т. де Сумалакарреги (9), начальник генерального штаба Р. Марото (7), а также ряд других генералов и старших офицеров в составе движения (анализ биографий представителей верхушки карлистского движения см.: Caridad 2018). Кроме того, ряд документов был выпущен карлистскими коллегиальными органами управления, например Депутацией Бискайи (4 документа).

В проанализированных текстах были выделены лексические единицы (существительные, прилагательные и субстантивные группы), которые употреблялись по отношению к неприятелю. Они были распределены по следующим семантическим полям: «восстание», «религия», «преступность», «либерализм», «иностранный влияние», «несвобода». Важно, что иногда семантические поля пересекаются друг с другом (Апресян 1974, 254–255); анализ их пересечений оказывается особенно релевантным для настоящего исследования.

Первое место по частотности употребления занимают лексические единицы, относящиеся к полю «восстание» — 26 единиц, 166 случаев употребления. Это закономерно, так как с самого начала войны карлисты позиционировали себя как сторонников «легитимной» власти и «законного монарха». Дон Карлос, выпустивший 1 октября 1833 года манифест в португальском городе Абрантеш, призывал своих сторонников к выступлению против либералов и подчеркивал юридическую обоснованность своих действий:

Desde el fatal instante en que murió mi caro hermano (Q. S. G. H.), creí se habrían dictado en mi defensa las providencias oportunas para mi reconocimiento; y si hasta aquel momento habría sido traidor el que lo hubiese intentado, ahora lo será el que no jure mis banderas [После того злосчастного момента, когда не стало моего дорогого брата (да примет его Господь в Вечную славу), я полагал, что в пользу моего признания будут приняты соответствующие законодательные акты; и если до нынешнего момента изменником был бы всякий, кто попытался бы поднять мятеж, то сейчас им окажется тот, кто не встанет под мои знамена] [Здесь и далее перевод Терещука А. А.] (Терещук 2023, 376).

Второе место занимают лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «религия» (19 единиц, 40 случаев употребления), которое немного опережает поле «преступность» (18 единиц, 35 случаев употребления). Наиболее

² О жизни и деятельности Феррера см. Каспистеги. (Caspistegui 2020, 116–118).

частотными лексемами, относящимися к полю «религия» и употребляемыми по отношению к противнику, оказались «*impío*» ('безбожный') (11 случаев употребления) и «*impiedad*» ('безбожие') (7). Например, бригадир Х. Саратеги в своем обращении к жителям Кастилии, выпущенном 4 августа 1837 года, заявлял о «рабстве и всеобщей дезорганизации общественной жизни, в которую вас ввергла лживая и безбожная мадридская партия» [*esclavitud y total desorganización del orden social en que os ha puesto el fementido e impío partido de Madrid*] (Ferrer et al. 1941–1979, vol. 13, 360). В карлистской пропаганде «безбожие» противника оказывается тесно связанным с «неэффективностью» его системы управления и «рабством», которое он навязал кастильцам.

Другой пример пересечения политической и религиозной лексики — сочетание лексемы «*impío*» со словом «*revolución*» («*revolución impía*»), то есть 'безбожная революция'), которое встречается два раза. Лексема «*revolución*» (и ее однокоренные аналоги в других европейских языках) изначально использовалась как астрономический термин, но со второй половины XVIII века прочно закрепилась в политическом языке (Тимофеев 2011, 132). Карлисты, позиционировавшие себя как противники революции, которая, по их мнению, совершилась в Мадриде³, определяли ее именно с религиозной точки зрения. Отметим, что в одном из зафиксированных примеров, в обращении дон Карлоса от 20 мая 1837 года, эта «*revolución impía*» обладает «*bárbara fiereza agarena*» ('варварской жестокостью агарян') (Ferrer et al. 1941–1979, vol. 13, 306). «*Agarenos*» ('агаряне') — это восходящее к Библии устаревшее наименование мусульман. Определяя подобным образом своих противников, дон Карлос показывает, что идеи испанских либералов оказываются чуждыми традиционной испанской культуре (пересечение с полем «иностранный влияние»). Кроме того, данный образ мог напомнить реципиенту о временах Реконквисты — борьбы христиан Пиренейского полуострова против арабских завоевателей в VIII–XV веках.

Некоторые из лексических единиц, отнесенных нами к полю «религия», семантически также оказываются тесно связанными с политикой. Яркий пример — лексемы «*secta*» ('секта') и «*sectario*» ('сектант'). А. Л. Дворкин определяет секту как закрытую религиозную группу,

противопоставляющую себя основной культуурообразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона (Дворкин 2002, 44). Само существование сект еще со времен раннего Христианства часто оказывалось тесно связанным с политическими событиями (Беляев 2019, 22–23). При этом и в современном испанском языке, и в языке XIX века лексема «*secta*» в большинстве контекстов приобретает негативные коннотации. Кроме того, в Испании XIX века даже по конституции 1812 года (своего рода «знамени» испанских либералов) католицизм объявлялся государственной религией, а исповедание любых других культов было запрещено. Принятая во время войны в либеральной Испании конституция 1837 года подтверждала данный статус католической веры (Ведюшкина, Юрчик 2014, 303). Соответственно, когда, например, А. Борхес⁴ в 1835 году называл своих противников «вероломной толпой безбожных сектантов и республиканцев-революционеров» [*perfidia turba de impíos sectarios y revolucionarios republicanos*] (Ferrer et al. 1941–1979, vol. 9, 284), он указывал не только на то, что либералы выступают против Католической церкви, но и на то, что они находятся вне правового поля испанского государства. В дискурсе карлистов лексема «*sectario*» относилась и к религиозной сфере, и к политической.

Тот факт, что лексема «*secta*» приобретала политические коннотации, представляется вполне закономерным; более того, аналогичную ситуацию можно представить и в современной политической коммуникации (например, в ходе общественной дискуссии относительно деятельности тоталитарных сект). В то же время в проанализированных текстах встречаются примеры использования лексики, относящейся к гораздо более узкой, теологической сфере. Так, карлисты употребляют по отношению к своим противникам лексемы «*infierno*» ('ад') и «*infernal*» ('адский'). В обращении карлистской Хунты Арагона, Валенсии и Мурсии от 28 января 1838 года говорилось о том, что «карета победы» ('*carga de la victoria*') стремительно несет дон Карлоса прямо на трон его предков и что «всех сил ада не хватит, чтобы остановить ее» [*todo el poder del infierno no será bastante a detenerle*] (Ferrer et al. 1941–1979, vol. 15, 134).

Карлистская пропаганда не только заявляла о борьбе против «сектантов» и «безбожников», но и прямо указывала на то, что противники

³ Об уместности употребления термина «революция» по отношению к преобразованиям в либеральной Испании в 1830-е годы см. Кастельс (Castells 1995, 128).

⁴ Антонио Борхес, один из лидеров карлистского движения и отец знаменитого Хосе Борхеса, участника двух карлистских войн и наемника, расстрелянного итальянскими революционерами в 1861 году во время Рисорджименто (Briones 2022, 498).

карлистов выступают против самого Бога. В манифесте от 12 июля 1834 года дон Карлос заявил о том, что все его невзгоды вызваны «подлыми махинациями тех, кто всегда объявлял себя врагами Господа» [inicias maquinaciones de los que siempre se declararon (*sic!*) enemigos de Dios] (Ferrer et al. 1941–1979, vol. 5, 220). Определяя подобным образом своих противников, себя карлисты представляли как защитников католической веры. Показательный момент: в 1835 году они провозгласили «Верховным Главкомандующим» своей армии саму Деву Марию (Lawrence 2014, 158).

Таким образом, в проанализированных текстах политический дискурс оказывается тесно переплетенным с религиозным. Оказывается невозможным провести четкую границу между религиозной сферой и политической. Для современной политической коммуникации в Испании и других европейских странах данное переплетение представляется нетипичным. Однако можно предположить, что для участников карлистского движения постоянное обращение к религиозной тематике в политическом дискурсе было вполне естественным.

Французский консервативный философ Ж. де Местр в своей книге «Санкт-Петербургские вечера» (*Les soirées de Saint-Petersbourg*) писал, что «ничто в мире не находится в такой согласии, как дух религиозный и дух воинский» (de Maistre 1854, 21). Для ультраконсерваторов первой по-

ловины XIX века не было никакого противоречия в том, чтобы «защищать» или распространять христианскую веру с оружием в руках. Другую важную мысль, характеризующую идеологию раннего карлизма, высказал один из крупнейших испанских мыслителей XIX века Х. Доносо Кортес⁵, который писал: «Католицизм — это полная цивилизационная система, настолько полная, что в своей необъятности она охватывает все» (Donoso Cortés 1851, 21). Соответственно пересечение религиозного и политического дискурса представлялось совершенно естественным для карлистов в XIX веке: идея «защиты» католицизма оказывалась неотделимой от борьбы за права дона Карлоса на испанский престол.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

⁵ Во время Первой Карлистской войны он поддержал либеральную Испанию, но в 1840-е годы взгляды Х. Доносо Кортеса сильно поправились; в настоящее время он считается одним из классиков испанского консерватизма (Василенко 2014, 39).

Литература

- Айусо Торрес, М. (2019) Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня. *Антиномии*, т. 19, № 3, с. 59–83. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003>
- Андреева, В. А. (2019) Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 192, с. 38–45.
- Апресян, Ю. Д. (1974) *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.: Наука, 368 с.
- Беляев, А. А. (2019) Политический дискурс иудейской и раннехристианской апокалиптики и его роль в государственно-конфессиональных отношениях. *Философская мысль*, № 12, с. 19–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.12.30236>
- Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. (2018) *Метафора в политической коммуникации*. 3-е изд. М.: Флинта, 248 с.
- Василенко, Ю. В. (2014) Х. Доносо Кортес как политический журналист и теоретик либерального консерватизма. *Социум и власть*, № 1 (45), с. 39–44.
- Василенко, Ю. В. (2019) Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политико-идеологической эволюции. В кн.: А. Д. Куманьков, С. Е. Любимов, М. А. Сидорова (ред.). *Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования»*. СПб.: Алетейя, с. 33–44.
- Ведюшкина, С. В., Юрчик, Е. Э. (2014) Испания при Изабелле II. В кн.: Е. Э. Юрчик, О. В. Волосюк, А. О. Чубарьян, В. А. Ведюшкин (ред.). *История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. М.: Индрик, с. 295–326.
- Гончарова, Е. А. (2021) Текстовые и дискурсивные характеристики современного немецкого политического плаката. *Известия Смоленского государственного университета*, № 1 (53), с. 102–117.
- Дворкин, А. Л. (2002) *Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования*. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя Св. князя Александра Невского, 816 с.

- Иванов, В. В. (2004) *Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему*. М.: Языки славянской культуры, 208 с.
- Кибрик, А. А. (2019) Дискурс. В кн.: О. В. Федорова, С. Г. Татевосов (ред.). *Введение в науку о языке*. М.: Буки Веди, с. 126–163.
- Кузьминская, С. И. (2016) «Образ врага» в современной политической мифологии. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 3, с. 49–52.
- Ларионова, М. В. (2023) *Лингвистика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук*. М., Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, 458 с.
- Мурзин, Ю. П. (2023) Прецедентное имя: из сфер-источников «литература» и «кино» в сферу-мишень «политический дискурс» (на материале СМИ Испании). *Филологические науки в МГИМО*, т. 9, № 2, с. 32–47. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47>
- Новикова, Е. Ю. (2021) Социоантропологический подход к исследованию политического дискурса. В кн.: Н. А. Боженкова, П. А. Катышев (ред.). *Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса*. М.: Изд-во Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, с. 7–26.
- Прилуцкий, А. М. (2015) Образ «чужого» как предмет мифологической семиотизации. *Вестник русской христианской гуманитарной академии*, т. 16, № 1, с. 67–73.
- Прилуцкий, А. М., Андреева, Л. Е. (2015) Специфика структуры религиозного дискурса. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, т. 2, № 1, с. 158–164.
- Терещук, А. А. (2020) Регионализм в идеологии раннего карлизма (1833–1840). *Петербургский исторический журнал*, № 2 (26), с. 153–164. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00034>
- Терещук, А. А. (2023) *За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма*. М.: Спасское дело, 416 с.
- Тимофеев, Д. В. (2011) Концепт «революция» в материалах российской периодической печати и оценках современников первой четверти XIX века: опыт сравнительно-контекстуального анализа. *Вестник Челябинского государственного университета. История*, № 45, с. 131–140.
- Фуко, М. (2004) *Археология знания*. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 416 с.
- Чудинов, А. П. (2006) *Политическая лингвистика*. М.: Флинта; Наука, 254 с.
- Briones, A. S. (2022) La Primera Guerra Carlista según el capitán Samuel Edward Cook. *Donostia eta Gipuzkoari buruzko Azterketa Historikoen Buletina*, no. 55, pp. 467–527.
- Caridad, A. S. (2018) Los jefes del primer carlismo. *Historia Contemporánea*, no. 58, pp. 679–712. <https://doi.org/10.1387/hc.18837>
- Caspistegui, F. J. (2020) En las trincheras de la prensa carlista: Periodismo y militancia en el siglo XX. *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, no. 26, pp. 101–123. <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>
- Castells, I. O. (1995) La rivoluzione liberale spagnola nel recente dibattito storiografico. *Studi storici: rivista trimestrale dell'Istituto Gramsci*, vol. 36, no. 1, pp. 127–161.
- Chilton, P. (2004) *Analysing political discourse: Theory and practice*. London; New York: Routledge Publ., 226 p.
- De Maistre, J. (1854) *Les soirées de Saint-Petersbourg, ou entretiens sur le gouvernement temporel de la providence: Suivies d'un traité sur les sacrifices. Vol. 2*. Lyon: J. B. Pélagaud et Cie Publ., 405 p.
- Donoso Cortés, J. (1851) *Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo, considerados en sus principios fundamentales por D. Juan Donoso Cortés, Marqués de Valdegamas*. Madrid: Rivadeneyra Publ., 412 p.
- Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. (1941–1979) *Historia del tradicionalismo español. En 30 vols*. Sevilla: Editorial católica española Publ.
- Fornés Murciano, A. (2010) Joseph de Maistre y el primer carlismo. *Lletres de filosofia i humanitats*, no. 2, pp. 28–48.
- Harris, Z. S. (1952) Discourse analysis. *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1–30. <https://doi.org/10.2307/409987>
- Lapesa, R. (1981) *Historia de la lengua española*. Madrid: Gredos Publ., 691 p.
- Lawrence, M. (2014) *Spain's First Carlist War, 1833–40*. London: Palgrave Macmillan Publ., 283 p. https://doi.org/10.1057/9781137401755_3
- Martín Etxebarria, G. (2023) “Honrar a nuestros héroes muertos”: Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas. *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, no. 26, pp. 221–255. <https://doi.org/10.14198/pasado.21888>
- Pérez, J. (1996) *Histoire de l'Espagne*. Paris: Fayard Publ., 926 p.
- Rújula López, P., Sonetti, S. (2017) La causa perduta come racconto politico: Il carlismo. *Meridiana*, no. 88, pp. 19–40.
- Tereshchuk, A. A. (2020) The Holy See's policy in Spain in 1832–1835: Between Carlists and Cristinos. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya — Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 25–32. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-25-32>
- Tereshchuk, A. A. (2022) To the question of the reasons of the First Carlist War (1833–1840). *Vestnik MGPIU "Istoricheskie nauki" — MCU Journal of Historical Studies*, no. 4 (48), pp. 145–157. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12>

- Toledano González, L. F. (2021) El tradicionalisme polític antiliberal: Els carlins catalans. *Catalan Historical Review*, no. 14, pp. 179–195.
- Van Dijk, T. A. (1997) What is political discourse analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, vol. 11, no. 1, pp. 11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>
- Wilson, J. (2005) Political discourse. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Blackwell Publ., pp. 398–415. <https://doi.org/10.1002/9780470753460.ch21>

References

- Andreeva, V. A. (2019) Narrativ v persuazivnoj kommunikatsii (na primere politicheskogo diskursa Germanii) [Narrative in persuasive communication (a case study of political discourse of Germany)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 192, pp. 38–45. (In Russian)
- Apresyan, Yu. D. (1974) *Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics: Synonymous means of language]*. Moscow: Nauka Publ., 368 p. (In Russian)
- Ayuso Torres, M. (2019) Karlizm i ispanskaya politicheskaya traditsiya: vchera i segodnya [Carlism and Spanish political tradition: Yesterday and today]. *Antinomii — Antinomies*, vol. 19, no. 3, pp. 59–83. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00003> (In Russian)
- Belyaev, A. A. (2019) Politicheskij diskurs iudejskoj i rannekhristskij apokaliptiki i ego rol' v gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniyakh [Political discourse of Jewish and early Christian apocalyptic literature and its role in the state-confessional relations]. *Filosofskaya mysl' — Philosophical Thought*, no. 12, pp. 19–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.12.30236> (In Russian)
- Briones, A. S. (2022) La Primera Guerra Carlista según el capitán Samuel Edward Cook [The First Carlist War according to captain Samuel Edward Cook]. *Donostia eta Gipuzkoari buruzko Azterketa Historikoen Buletina*, no. 55, pp. 467–527. (In Spanish)
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2018) *Metafora v politicheskij kommunikatsii [A metaphor in the political communication]*. 3rd ed. Moscow: Flinta Publ., 248 p. (In Russian)
- Caridad, A. S. (2018) Los jefes del primer carlismo [The leaders of the first Carlism]. *Historia Contemporánea — Contemporary History*, no. 58, pp. 679–712. <https://doi.org/10.1387/hc.18837> (In Spanish)
- Caspistegui, F. J. (2020) En las trincheras de la prensa carlista: Periodismo y militancia en el siglo XX [Inside the Carlist press trenches: Journalism and militancy during the XXth century]. *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, no. 26, pp. 101–123. <https://doi.org/10.14198/pasado.22956> (In Spanish)
- Castells, I. O. (1995) La rivoluzione liberale spagnola nel recente dibattito storiografico [The Spanish liberal revolution in recent historiographical debate]. *Studi storici: rivista trimestrale dell'Istituto Gramsci*, vol. 36, no. 1, pp. 127–161. (In Italian)
- Chilton, P. (2004) *Analysing political discourse: Theory and practice*. London; New York: Routledge Publ., 226 p. (In English)
- Chudinov, A. P. (2006) *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 254 p. (In Russian)
- De Maistre, J. (1854) *Les soirées de Saint-Petersbourg, ou entretiens sur le gouvernement temporel de la providence: Suivies d'un traité sur les sacrifices [The evenings of Saint Petersburg or discussions on the temporal government of providence followed by a treatise on sacrifices]*. Vol. 2. Lyon: J. B. Pélagaud et Cie Publ., 405 p. (In French)
- Donoso Cortés, J. (1851) *Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo, considerados en sus principios fundamentales por D. Juan Donoso Cortés, Marqués de Valdegamas [Essay on Catholicism, liberalism and socialism, considered in their fundamental principles by D. Juan Donoso Cortés, Marquis of Valdegamas]*. Madrid: Rivadeneyra Publ., 412 p. (In Spanish)
- Dvorkin, A. L. (2002) *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya [Sectology. Totalitarian Sects. Experience of Systematic Description]*. Nizhny Novgorod: Brotherhood in the Name of the Holy Prince Alexander Nevsky Publ., 816 p. (In Russian)
- Ferrer, M., Tejera, D., Acedo, J. F. (1941–1979) *Historia del tradicionalismo español [History of Spanish traditionalism]*. En 30 vols. Sevilla: Editorial católica española Publ. (In Spanish)
- Fornés Murciano, A. (2010) Joseph de Maistre y el primer carlismo [Joseph de Maistre and early Carlism]. *Lletres de filosofia i humanitats*, no. 2, pp. 28–48. (In Spanish)
- Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya [The archaeology of knowledge]*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 416 p. (In Russian)
- Goncharova, E. A. (2021) Tekstovye i diskursnye kharakteristiki sovremennogo nemetskogo politicheskogo plakata [Textual and discourse characteristics of a contemporary German political poster]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestia of Smolensk State University*, no. 1 (53), pp. 102–117. (In Russian)
- Harris, Z. S. (1952) Discourse analysis. *Language*, vol. 28, no. 1, pp. 1–30. <https://doi.org/10.2307/409987> (In English)
- Ivanov, V. V. (2004) *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya. Voprosy k budushchemu [Linguistics of the third millennium. Questions to the future]*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ., 208 p. (In Russian)

- Kibrik, A. A. (2019) Diskurs [Discourse]. In: O. V. Fedorova, S. G. Tatevosov (eds.). *Vvedenie v nauku o yazyke [Introduction to the science of language]*. Moscow: Buki Vedi Publ., pp. 126–163. (In Russian)
- Kuz'minskaya, S. I. (2016) "Obraz vraga" v sovremennoj politicheskoy mifologii ["The image of enemy" in modern political mythology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 49–52. (In Russian)
- Larionova, M. V. (2023) *Lingvosemiotika ispanskogo politicheskogo diskursa v prostranstve internet-kommunikatsii [Linguosemiotics of Spanish Political Discourse in the space of Internet Communication]*. PhD dissertation (Philology). Moscow, Moscow State Institute of International Relations, 458 p. (In Russian)
- Lapesa, R. (1981) *Historia de la lengua española [History of the Spanish language]*. Madrid: Gredos Publ., 691 p. (In Spanish)
- Lawrence, M. (2014) *Spain's First Carlist War, 1833–40*. London: Palgrave Macmillan Publ., 283 p. https://doi.org/10.1057/9781137401755_3 (In English)
- Martín Etxebarria, G. (2023) "Honrar a nuestros héroes muertos". Conmemoraciones públicas, monumentos y memoria de las guerras carlistas ["Honoring our dead heroes". Public commemorations, monuments and memory of the Carlist wars]. *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, no. 26, pp. 221–255. <https://doi.org/10.14198/pasado.21888> (In Spanish)
- Murzin, Yu. P. (2023) Pretsedentnoe imya: iz sfer-istochnikov "literature" i "kino" v sferu-mishen' "politicheskij diskurs" (na materiale SMI Ispanii) [Precedent name: From the source spheres "literature" and "cinema" in the target sphere "political discourse" (based on the material of the Spanish-language media)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO — Linguistics and Polyglot Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 32–47. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-2-35-32-47> (In Russian)
- Novikova, E. Y. (2021) Socioantropologicheskij podhod k issledovaniyu politicheskogo diskursa [Socioanthropological Approach towards the Study of Political Discourse]. In: Bozhenkova, N. A., Katy'shev, P. A. (eds.) *Semiotiko-semasiologicheskoe izmerenie politicheskogo diskursa [Semiotics is a Semasiological Dimension of Political Discourse]*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute Publ., pp. 7–26. (In Russian)
- Pérez, J. (1996) *Historie de l'Espagne [History of Spain]*. Paris: Fayard Publ., 926 p. (In French)
- Prilutskij, A. M. (2015) Obraz "chuzhogo" kak predmet mifologicheskoy semiotizatsii [The image of "unfamiliar" as a subject of mythological semiotization]. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii — Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, vol. 16, no. 1, pp. 67–73. (In Russian)
- Prilutskij, A. M., Andreeva, L. E. (2015) Spetsifika struktury religioznogo diskursa [Religious discourse structure specificity]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 158–164. (In Russian)
- Rújula López, P., Sonetti, S. (2017) La causa perduta come racconto politico: Il carlismo [The lost cause as a political narrative: Carlism]. *Meridiana*, no. 88, pp. 19–40. (In Italian)
- Tereshchuk, A. A. (2020a) Regionalizm v ideologii rannego karlizma (1833–1840) [Regionalism in the ideology of early Carlism]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal — Petersburg Historical Journal*, no. 2 (26), pp. 153–164. <https://doi.org/10.51255/2311-603X-2020-00034> (In Russian)
- Tereshchuk, A. A. (2020b) The Holy See's policy in Spain in 1832–1835: Between Carlists and Cristinos. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya — Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 25–32. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-25-32> (In English)
- Tereshchuk, A. A. (2022) To the question of the reasons of the First Carlist War (1833–1840). *Vestnik MGPIU "Istoricheskie nauki" — MCU Journal of Historical Studies*, no. 4 (48), pp. 145–157. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.48.4.12> (In English)
- Tereshchuk, A. A. (2023) *Za Boga, Rodinu i Korolya: voenno-politicheskaya istoriya rannego karlizma [For God, Motherland and King: Military-political history of early Carlism]*. Moscow: Spasskoe delo Publ., 416 p. (In Russian)
- Timofeev, D. V. (2011) Kontsept "revolyutsiya" v materialakh rossijskoj periodicheskoy pechati i otsenkakh sovremennikov pervoj chetverti XIX veka: opyt sravnitel'no-kontekstual'nogo analiza [The concept of "revolution" in the materials of Russian periodicals and assessments of contemporaries of the first quarter of the 19th century: The experience of comparative-contextual analysis]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Bulletin of Chelyabinsk State University. History*, no. 45, pp. 131–140. (In Russian)
- Toledano González, L. F. (2021) El tradicionalisme polític antiliberal: Els carlins catalans [Antiliberal political traditionalism: The Catalan Carlism]. *Catalan Historical Review*, no. 14, pp. 179–195. (In Catalan)
- Van Dijk, T. A. (1997) What is political discourse analysis? *Belgian Journal of Linguistics*, vol. 11, no. 1, pp. 11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij> (In English)
- Vasilenko, Yu. V. (2014) Kh. Donoso Cortes kak politicheskij zhurnalists i teoretik liberal'nogo konservatizma [J. Donoso Cortes as a political journalist and a theorist of liberal conservatism]. *Sotsium i vlast' — Society and Power*, no. 1 (45), pp. 39–44. (In Russian)

- Vasilenko, Yu. V. (2019) Karlizm v Ispanii XIX v.: vojna i problemy politiko-ideologicheskoy evolyutsii [Carlism in Spain in the 19th century: War and the problems of political and ideological evolution]. In: A. D. Kuman'kov, S. E. Lyubimov, M. A. Sidorova (eds.). *Problematika vojny v gumanitarnykh naukakh. Sbornik trudov vtoroj vserossijskoj konferentsii "Problematika vojny v gumanitarnykh naukakh: istoriya i perspektivy issledovaniya"* [The problems of war in the humanities. Proceedings of the second All-Russian conference "Problems of war in the humanities: History and prospects of research"]. Saint Petersburg: Aletejya Publ., pp. 33–44. (In Russian)
- Vedyushkina, S. V., Yurchik, E. E. (2014) Ispaniya pri Izabelle II [Spain during the reign of Isabella II]. In: E. E. Yurchik, O. V. Volosyuk, A. O. Chubar'yan, V. A. Vedyushkin (eds.). *Istoriya Ispanii. T. 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka* [History of Spain. Vol. 2. From the war of the Spanish succession to the beginning of the XXI century]. Moscow: Indrik Publ., pp. 295–326. (In Russian)
- Wilson, J. (2005) Political discourse. In: D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). *The handbook of discourse analysis*. Blackwell Publ., pp. 398–415. <https://doi.org/10.1002/9780470753460.ch21> (In English).

УДК 81

EDN UVGTOU

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-121-128>

Combinatorial collocations of the attribute PERFECT (insights from the British National Corpus)

Yu. A. Filyasova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Yulia A. Filyasova, SPIN: 9503-8000,
Scopus AuthorID: 57204768679,
ResearcherID: AAA-1288-2022,
ORCID: 0000-0002-9728-9458,
e-mail: phill.yield@gmail.com

For citation: Filyasova, Yu. A. (2024) Combinatorial collocations of the attribute PERFECT (insights from the British National Corpus). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 2, pp. 121–128.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-121-128>

EDN UVGTOU

Received 23 April 2024; reviewed 25 July 2024; accepted 6 August 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. A. Filyasova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper considers the attributive lexeme “perfect” as a linguistic and cultural phenomenon in the English language. The aim of the study is the semantic analysis of nominative collocations with “perfect”, based on the material of the British National Corpus (BNC), which contained about 3000 contextual occurrences, with the application of such methods as definition analysis, semantic and functional categorisation, quantitative analysis and cognitive modelling. From the theoretical standpoint, the research is valuable for a deeper understanding of the phenomenon and its semantic structure, especially in connection to its derivative “perfectionism” which is regarded as a professional term. Practically, the results can be interesting in the pedagogical context for teaching cognitive and translation studies, since “perfect” has a branched semantic structure and wide scope of use. As a result of the research, the function-based semantic structure of the concept was revealed: the immediate contextual collocations were identified; the semantic fields were described. The A+N structure, where A is filled with “perfect”, and N can be potentially represented with any noun from the BNC, was in the focus of the study. The findings show that about eighteen nouns can be qualified as typical due to their high occurrence rate, while the rest are characterized by different degrees of semantic proximity and were clustered into three peripheral semantic areas. As for the cognitive modelling, nineteen conceptual categories in the “perfect” interpretation field were identified, mainly of evaluation and function. The conceptual interpretation field was extended in terms of the qualitative meaning of the attribute “perfect”, owing to the interaction mechanism of pragmatic, communicative and linguistic factors which determine semantic relations of linguistic units under various contextual conditions.

Keywords: semantic analysis, semantic field, collocations, nominative relations, corpus-based study

Introduction

The main focus of semantic categorization and systematization are represented through linguistic functional structures and collocations. A semantic analysis is closely related to a wide scope of conceptual categories such as cause and effect, time and space, actions and processes, goals and intentions, settings and events. It analyzes the interconnection and interdependence of conceptual structures involved in textual coherence and contextual implications, metaphorical associations and extensions, semantic fields and frames. A semantic analysis

attempts to understand the philosophical issue of the language as the ability to communicate through a complex system of signs and rules.

Semantic categorization and systematization relies on cultural and social background, personal experience, and individual language consciousness. These help reveal cognition, comprehension, and mental representation under certain cultural conditions. Semantic models of mental concepts, based on language functioning, generate derivation patterns, which provide evidence to the fact that semantic processes determine word-building paradigms (Vasileva 2023).

Contextual functioning of language units is determined by communicative, pragmatic, and extralinguistic factors. Contextual analysis gives the opportunity to understand the mentality and cognition of a certain language surrounding (Godard et al. 2022). The analysis of contextual environment reveals language models by means of establishing regular speech patterns (Malyuga 2023). Speech acts rely on pragmatic implications as a consequence of mental processing of categorical syllogisms related to the cultural worldview (Kiklewicz 2022).

Linguistic categorization is based on intellectual mapping of objects of reality. Concepts are categorized with reference to prototypes and extend from core to peripheral elements. Categorization principles include centrality, chaining, experiential domains, idealized models, specific knowledge, general knowledge, motivations. Modern studies consider a wide range of spheres where cognitive modelling reveals expected and deviating thinking types, for example, cognitive engagement in the learning environment (Dunmoye et al. 2024). Noteworthy, “linguistic categorisation of the body is subject to both universal and language-specific principles” (Enfield et al. 2006). Linguistic categorization is typical of the human mind, which reflects the way people perceive our reality and learn new knowledge.

The functional approach is aimed the contextual analysis of linguistic units and their systematization, the combination of semantics and contextual information. The functional motivation for language use is contingent on social interaction and communicative relationships, which account for the language functioning as a means of problem solving, management, persuasion, manipulation, promotion, among others. The reference to a certain functional category and conceptual field makes linguistic units meaningful. Functionally structured categories act as cognitive background for cognitive interpretation of real-life objects and phenomena (Alkhamash 2021; Kushneruk, Kurochka 2022).

The functional paradigm in semantic studies is aimed at establishing structures and disclosing mental processes specific to certain areas of knowledge and functional language styles. Categorical meaning provides a large number of classifications; however, only factual functioning in speech can determine its dynamic characteristics, such as relevant lexical meaning, grammatical form, and context-specific value, for example, linguistic features of French advertising discourse, hedging techniques in business discourse, typical concepts in the language of PR.

The functional analysis is used to outline the semantic field of new professional terms which bear similarities to well-known terminology, however, pertain to adjacent terminological systems; the analysis of their conceptual structures ascertains the reference to the actual functional areas, culture-marked field-specific accounting terminology (Radyuk 2022). Mental representation of objects has a cross-linguistic nature, however, language classifiers are language-specific, especially as part of discourse and pragmatic contexts. Discourse contains pragmatic classifiers which could be either direct or indirect, and can be arranged according to non-linguistic categories such as gender, age, status, communicative situation, among others (Sun, Bogdanova-Beglarian 2023). Practical translation studies into interlingual interaction show the necessity for discourse optimization and adaptation for the target language due to the infeasibility of using direct equivalents, provided by dictionary entries (Achkasov 2021).

Material and methodology

The aim of the study is to analyze the semantic structure and the interpretation field of the attributive concept “perfect” as an English linguistic and cultural phenomenon. The relevance of the research is explained by the enhanced interest to the phenomena of ‘perfection’ and ‘perfectionism’ over the previous thirty years in the fields of psychology and human resource management. The paper contains a brief historical retrospect and the definition analysis of the concept. The phenomenon was studied with the application of the corpus approach by means of the syntagmatic analysis of nominal relations, quantitative evaluation, semantic categorization, functional and cognitive analyses. As a result of the contextual study, repeating patterns were identified and the semantic explication of the concept under study was obtained.

The theoretical relevance lies in the fact that the attribute “perfect” is the core morpheme of the related concepts — ‘perfection’ and ‘perfectionism’ — which are the subject of multidisciplinary researches — philosophical, psychological, sociological, among others (Filyasova 2022). The research into the core morpheme can give insight into this cognitive paradigm through the contextual analysis of real-life examples. The opportunity of studying the development of the concept “perfect”, its semantic field, and identify conceptual links, which are not mentioned in dictionaries, presents its linguistic value. It is worth mentioning that the attribute “perfect”, with its Latin origin, has several translation equivalents in the Russian language.

The derivative ‘perfectionism’, borrowed through transliteration, is mainly used as a professional psychological term. “Perfect” is of cultural interest, in addition to its linguistic significance. According to the results of the functional analysis, the findings could be utilized in the practice of teaching lexicology to students majoring in language theory, and practical English to students specializing in such academic fields as business, social studies, psychology, pedagogy, and science.

An analysis of a corpus is linguistically a highly-valued source of natural context aimed at testing linguistic hypotheses, identifying regularities in language use, and generating new scientific knowledge. A corpus analysis is considered to be based on reliable language material since it consists of real-world texts, and can be used for various goals of research. The British National Corpus (BNC) is a representative bank of language material, which includes over a hundred million word texts and different genres of the British English of the late 20th century, from newspapers, both regional and national, research papers, periodicals, and fiction books. The advantage of the BNC is its functional diversity, i. e. it contains texts which are referred to different language styles; therefore, the results are not confined to only one functional system, but can be widely ascribed to many areas, thus, giving the possibility to make generalizations.

The material for the research was comprised of the contextual examples containing the attributive concept “perfect” whose contextual realizations quantitatively exceeded 5000 occurrences; however, about half of the cases turned out to appear in similar contextual environments; therefore, for the purposes of this research, 3032 of them were selected and analyzed with the help of the following methods: definition analysis, semantic and functional categorization, quantitative analysis and cognitive modelling.

Findings

Definition analysis

Historically, the adjective “perfect” was derived from the Latin *perficere* ‘to carry out, complete’, *per-* ‘completely’ and *-ficere*, from *facere* ‘to make, do’. According to Merriam-Webster Dictionary, nowadays *perfect* has eight major meanings and about twelve shades of meaning: a) without fault or defect, e. g. *a perfect diamond*; b) satisfying all requirements; c) corresponding to ideal standards or absolute concepts, e. g. *a perfect gentleman*, d) faithfully reproducing the original; e) legally valid; f) expert, proficient, e. g. *practice makes perfect*; g) pure, total, h) lacking in no essential

detail, e. g. *complete*; i) *obsolete*: sane; j) absolute, unequivocal, e. g. *perfect happiness*; k) of an extreme kind, unmitigated, e. g. *a perfect brat*; l) *obsolete*: mature; m) relating to, or constituting a verb form or verbal that expresses an action or state completed at the time of speaking or at a time spoken of; n) *obsolete*: certain, sure; o) *obsolete*: contented, satisfied; p) relating to a musical interval: fourth, fifth, and octave; q) mature and fully differentiated, e. g. *a perfect insect*; r) biologically perfect in terms of gender maturity: e. g. *a perfect flower* (Perfect 2024a).

Overall, “perfect” is a semantically multi-faceted adjective which highlights an absolute feature; underlines some relatedness to a standard or norm; and points at a quality of a highest degree. Certain meanings refer to specific areas: linguistics (grammar-related time reference), music (producing harmony in music), and the environment (biology). A few meanings have already become old-fashioned: healthy, confident, and happy. The obsolete meaning ‘happy’ has become one of the most frequently collocated nominal elements: *health*, along with the other nouns, such as *fit*, *world*, and *condition*.

Frequent synonymous series stem from the core meaning *ideal*, while the other two series originate from contextual meanings of the adjective *perfect* which transmit the ideas of simplicity and inseparability.

The attribute “perfect” was a religious term in the 19th century, which characterized the human nature, granted by the God as an ideal entity, and seemed to be designed to prescribe social norms. However, it has evolved into a diverse attributive concept, which is used to describe excellent qualities of objects, things, and products of human activities, though it has preserved some prescriptive meanings. In addition, “perfect” has developed certain meanings specific for particular areas — music and biology, — in which it denotes harmony and organicity, respectively. Originally, in application to humans, “perfect” was also supposed to mean some divine gift or blessing to duplicate the nature of God in order to correspond strictly to the Creator; this subsequently implied healthy and happy existence on Earth. Nevertheless, activity is the main prerequisite of human existence; therefore, the results of human labour are supposed to precisely align with certain standards and ideal models.

Categorization principles include idealized, general and specific models. The analysis of the historical background and definitions shows that the findings can be categorized as follows: idealized — correspondence to a standard, absolutism, idealism; general — thoroughness, completeness; and specific — religion, social sphere, ethics, etiquette,

language, education, music, biology. Cognitive categorization also depends on the contextual use of linguistic units. In the following section, categories based on functional contexts, in which ‘perfect’ occurred, will be considered.

Corpus analysis

As it was mentioned earlier, the attribute “perfect” was analyzed in relation to the nouns (A+N) in a wider contextual environment, e. g. *perfect cake, perfect luxury, perfect slogan*; therefore, the number of the nouns coincided with the number of contexts and equaled 3032. The nominal collocations are considered as the interpretation field of the attributive concept “perfect”. The repeating nouns were analyzed in order to discover the most collocated nominals and the most frequent relations which make up the semantic core, in contrast to its periphery. Following that, wider contexts were considered in terms of their thematic affiliation with the aim of identifying typical areas for the attribute “perfect” to be used in.

The absolute majority of the related nouns (2427, or 80 %) occurred more than once, some of them have a high collocability with “perfect”. Therefore, 605, or 20 % of the nouns can be considered peripheral which occasionally combine with the attribute “perfect”. According to the syntagmatic structure, its immediate nominal connections are represented by the following core variables: *person, time, condition, match, storm, example, sense, it (impersonal), system, way, opportunity, solution, place, competition, day, world, fit, market*. These can be considered as core connections, due to their

high frequency of occurrence. The rest of the nouns with lower degree of contextual use are referred to the semantic periphery.

The distribution of the nouns along the scale 1–80 demonstrates a clear trend towards a semantic core in the interpretation field of the concept “perfect”, which ranges within twenty nouns and makes up 25 %, or a quarter of all occurrences. According to the data in Tb. 1, the rest of the scale can be divided into three peripheral areas: periphery 1 (P1) including the nouns with the average occurrence rate 14, that accounts for 17 %, periphery 2 (P2) containing the nouns with the average rate 10, amounting to 21 %, and periphery 3 (P3) comprising 37 %, where each noun appeared only once (Table 1).

Along with the increase of noun occurrence, the diversity plunges, being reduced to 1–3 different nouns in the semantic core; diversity recovers in the first peripheral area up to 4 units; it increases sharply to 20 units in the second periphery, and, ultimately, soars exponentially to 840 in the farthest peripheral area, which makes it difficult to establish any strong connections to the attribute “perfect”. The examples of the nouns from each periphery were as follows:

Periphery 1: *order, balance, record, model, performance, English, harmony, partnership, life, score, instrument, pitch, method, house, room, body, view, song, setting, foil, position, job, control, gift, etc.*

Periphery 2: *word, picture, excuse, machine, law, image, idea, substitute, hair, guys, actor, gentleman, combination, candidate, answer, relationship, knowledge, health, technology, girl, design, crime, etc.*

Table 1. The number of occurrences and their distribution

Immediate Context	The number of all nouns	The number of different nouns	The rate of occurrence
(20–89) Core	(751)	(18)	(42)
80–89	80	1	80
70–79	0	0	0
60–69	127	2	64
50–59	164	3	55
40–49	91	2	46
30–39	193	6	32
20–29	96	4	24
(1–19) Peripheries	(2281)	(996)	(2)
10–19 P1	503	37	14
(1–9)	(1778)	(959)	(2)
4–9 P2	635	119	10
1–3 P3	1143	840	1

Note: * The data in brackets show generalized sums of the nouns.

Periphery 3: *career, food, friend, game, happiness, hedge, implementation, key, jewelry, leader, manners, measures, murder, music, nature, name, portrait, precision, skin, speech, trade, summer, etc.*

The semantic distribution trend is as follows: the nouns from the semantic core of the “perfect” interpretation field belong to English for general and basic academic purposes, while drawing to the periphery, specific terms become more common. That could be the evidence of a strong semantic potential of the attribute “perfect” which tends to be used in the formal language.

It is worth mentioning that about 7 % of all nominal collocations have a negative meaning, either expressed grammatically: e. g. *parents / people / conditions are not perfect*; or lexically, e. g. *perfect swine, perfect magpie, perfect fudging, perfect victim, perfect chowderheads, and perfect hindsight bias*. Whereas the use of grammatical means for expressing negation can be explained by extralinguistic reasons, the collocability of nouns with negative semantics and “perfect” as an attribute at the lexical level produces the effect of oxymoron, which testifies to the fact that the attribute under analysis is apt to extend its functional field as a linguistic unit.

Another important feature is the occurrence of the attribute “perfect” as part of the following idiomatic expressions: *perfect storm, perfect match, perfect pair, practice makes perfect, good is better than perfect, perfect stranger, make perfect sense, in perfect lockstep*, which comprise 6 % of all contexts. Idioms as language signs fixed in form present figurative meanings; however, there are several types of idioms in terms of losing the meaning of its constituents and acquiring some new meaning based on frequent use and historical semantic modifications; the more distant the meaning, the less recognizable the constituents are as separate lexical elements. In the idioms that were found in the corpus, “perfect” still preserves its primary meaning mentioned in the dictionary — ‘ideal, absolute, complete’; hence, the idiomatic expressions are quite transparent, characterizing “perfect” as an attribute inclined to establish itself in the English language in the paroemiological meaning.

Functional analysis

The semantic structure of the attribute concept “perfect” comprises the following areas — minimal information structures which represent categories of objects, phenomena and processes. Similarly to the principles of Gestalt psychology, which state that the human mind construes a single complex object from seemingly fragmented perceptual sensations, the interpretation field of the concept

“perfect” is built on both nominal collocations and semantic areas they occur in. Due to polysemy and contextual relationality, each word can be potentially referred to several or even many topics under various pragmatic conditions and communicative situations, for instance, the adjective ROUND can be conceived of with reference to any round object, whereas the verb RUN possesses a narrower semantic scope and is immediately associated with a runner or business owner. In this research, the nouns were subsumed under the following categories in compliance with the functional principle: humans, the human body, family, clothes and accessories, house, space, time, leisure time, travel, sport, food, design, education, language, abstract notions, social characteristics, social sciences, psychology, methodology, art, music, business, PR and advertising, the media, human resources, law, IT, science, geometry, nature, animals, indefinite pronouns. The most typical examples of each category are presented since not all members have the same status. For native speakers, it is obvious that certain examples are better representatives of a category than others. The selection of the most usual members relies on the following principles: frequency, order of learning in ontogenesis, closeness to an ideal or certain quality, stereotypicality, family resemblance, evaluative motives, verification speed and priming.

The functional categories are further clustered into four groups on account of their semantic proximity. The first group includes humans and their physiological, social, psychological characteristics and needs (human, the human body, psychology, family, house, social features, clothes and accessories, leisure). The second group consists of humanities with certain application profiles, such as music, art, design, education, language, travel, and social sciences. The third group presented combines fundamental categories: abstractions, time, space, nature, science, geometry, and methodology. Finally, the fourth group comprises topics of the economic profile: business, PR and advertising, human resource management, information technologies, law, food, ad sport. Let us consider a few examples (Perfect 2024b):

*The photocopied documents are described as absolutely **perfect** and impossible to detect by the ordinary detectives.* (Law)

*There is something lighter than pure Italian. She said she had a **perfect** childhood, an almost miraculous childhood.* (Fiction)

*The notion is based on the assumption of a **perfect** financial market, with **perfect** knowledge and complete certainty about the future.* (Business)

It is actually called a **perfect** octave, but they never worry about the **perfect** when you're talking about an octave. (Music)

As a student you have a **perfect** opportunity — use your lecture. (Education)

MDS2000 is a multidimensional GC system which has a fully programmable microprocessor unit and is **perfect** for resolving difficult to separate complex mixtures. (IT)

The interpretation field of the concept “perfect” is multifunctional from the standpoint of the attributive meaning per se. It includes different qualitative characteristics which provide distinct descriptive zones: evaluative (the human), e. g. *perfect wife, husband, children, parents*; aesthetic (art, music), e. g. *perfect contour, sculpture, blackness, fusion of image and sound, sounds, melody, guitar, interval*; emotional (human-related categories), e. g. *house, dinner, fabric, evening dress, manicure, embroidery, yacht*; intellectual (language), e. g. *perfect description, expression, narrative, explanation, conclusion, understanding*; moral (the social sphere), e. g. appearance, reputation, behavior, judgment, manners, curtsy, demeanour; functional (business, science, IT), e. g. *perfect competition, strategy, target, plan, integration, application, technique, weight, machine, wave, mould, substrate, corner, liquid, randomization, storage device, chip, data*; regulative (law), e. g. *perfect trial, clue, proof, legislation*; paroemiological (idioms), e. g. *perfect storm, perfect match, perfect pair, practice makes perfect, good is better than perfect, perfect stranger, make perfect sense, in perfect lockstep*.

Discussion

“Perfect” as an attribute tends to be used with nouns of general English with academic background, and social-economic terminology. An extensive number of nouns refer to people, their mental perceptions, personal needs, which generally indicates its anthropocentric bias; consequently, it sounds natural that perfectionism as a derivative term is a basically a psychological phenomenon. In terms of topical categorization, the human and broad business-related academic area can be considered as the semantic core of the concept. The periphery should be interpreted as a gradually dissolving circle which embraces various fields of human activity — from the social sphere as the most intensive further on to law, sport, nature, art, travel, science, and leisure activities. In other terms, the human and broad business-related academic terms are typical examples and social stereotypes which create the semantic core of the concept “perfect”, while other areas are potentially able

to develop into core spheres but at the present moment, they constitute its sporadic peripheral background.

The semantic structure of the attribute concept “perfect” consists of the following relationships. Obviously, they exceed in number those, presented in the dictionary:

- *Business*: market situation, monetary and credit relations, economic forecasting, financial monitoring, business relations and alliances, government regulation, mortgage lending, investment opportunities, risk hedging.
- *Human resources management*: strategic planning, recruitment and staffing, training and development, teambuilding, employee relations, staff retention, compensation and benefits.
- *PR and advertising*: media relations, brand management, public speaking, marketing.
- *Society*: status and growth prospects of the public sector, relations between society and the state, social relations in certain regions, basic foundations of society, issues of social security, social institutions, social control as a form of managerial regulation.
- *Abstractions*: similarities and differences, comparison and analogy, symmetry and equilibrium, opportunities and implementation, dichotomy and dualism.
- *Science*: genetics and selection, materials science and technology, modelling and prototyping, mechanical engineering.
- *Geometry*: square, circle, parallel.
- *IT*: information system and technologies, programs and applications, automatic recognition and data storage, database administration and protection, algorithmisation and programming.
- *Education*: students and teachers, examinations, academic degrees, research activities, training courses.
- *Language*: phonetics, language styles and genres, grammar, syntax, text structuring.
- *Sport*: infrastructure, games and competitions, participants, sports equipment, sports elements and movements.
- *Food*: beverages, food products, dishes.
- *Art*: painting, sculpturing, colour design, reproduction.
- *Design*: combinations design elements and colours.
- *Travel*: flying, accommodation, living conditions.
- *Law*: criminal cases and investigations, participants in legal proceedings.
- *Music*: musical intervals, musical genres, musical instruments.
- *Nature*: natural disasters, weather conditions, plant species.

- *Method*: technique, measure, way, instrument, tool.
- *Time*: time periods of different length.
- *Space*: place, site, location, area.
- The characterization of a person:
 - *Human types*: person, people, man, gentleman, woman, lady, maid, girl, guy, boy, babies.
 - *The human body*: body, teeth, shape, build, hair, eyesight, face, lips, nose, skin, nails, toes, hand, mimics, tan, complexion, kidney, voice, health.
 - *Psychology*: character, abilities, mood, emotions.
 - *Family*: members, wedding occasions, relations.
 - *Social feature*: manners, name calling, ethics of conduct.
 - *Clothes*: types of clothes and accessories, manicure, combinations of clothes, types of fabric.
 - *Leisure*: humor, reception and hospitality, leisure activities.
 - *House*: types of house, rooms, furniture.

The most numerous group of nouns belongs to the category of business with such subgroups as human resources and advertising. “Perfect” as a cognitive concept characterizes business phenomena and objects as the most suitable for particular markets, companies, consumers, and individuals who pursue certain goals. The second category with multiple nouns includes society-related terms, which gives evidence of the concept “perfect” as a social feature and, probably, one of the modern trends that distinguish the importance of high-level needs, relevant for the modern generation. The third most notable category was comprised of abstract notions from general contexts without any specific specialization. Potentially, the abstract notions are able to appear in any context, and characterize any communicatively marked situation. It is worth mentioning that the first group generally refers to the human as a biological species with strong cognitive skills. Despite the fact that this group consists of several thematic categories, many of them directly qualify the human perspective; hence, it can be inferred that the concept “perfect” lies deep in the human mind and represents one of its core values and ‘reference points’ that produce idealistic models which people strive to implement into practice during their practical activity. The idea of an ideal pattern is first actualized in the near circle — the human body, appearance, family, leisure activities, and then it expands further onto wider social groups and professional occupations.

Conclusion

The semantic structure of the first-level slot, with “perfect” as an attribute in the nominal structure A+N, is multifunctional in terms of contextual attribution and qualitative meaning. The latter constitute an interdependent system of interrelated elements whose interaction is contingent on the semantic features of the conceptual interpretation field. According to the dictionary definitions, the attribute “perfect” possesses mainly the evaluative (primary) and functional (secondary) meanings: *ideal* and *thorough*. The contextual analysis demonstrates that the combination of pragmatic, communicative and linguistic factors launches a type of interactive mechanism that generates emergent qualitative categories, typical for certain contexts: emotional, aesthetic, moral, intellectual, regulative, and paroemiological, which can be related to the novel characteristics of the concept. These factors enter into meaningful interaction depending upon the situational imperative.

In conclusion, the attributive concept “perfect” can be genuinely considered as a cultural phenomenon represented in the English language, since it penetrates almost all spheres of human activity with different degrees of immersion. The cognitive model of “perfect” as a mental concept was studied on the material of real-life speech acts which rely on pragmatic implications based on language functioning; therefore, the examples describe those areas where its expression can be more vividly observed as a characteristic feature, and where its interpretation field characterizes the immediate contextual connections. The semantic analysis demonstrates the most typical connections which constitute the semantic core of its interpretation field as opposed to multiple peripheral spheres. It can be inferred that “perfect” is one of the fundamental terms which are responsible for prioritization of personal and social values in the human mind.

List of Abbreviations

BNC — The British National Corpus.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Sources

- Perfect. (2024a) *Merriam-Webster dictionary*. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/perfect#> (accessed 28.05.2023). (In English)
- Perfect. (2024b) *The British National Corpus*. [Online]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 10.05.2023). (In English)

References

- Achkasov, A. V. (2021) Mezhyazykovye aspekty poiskovoj optimizatsii [Interlinguistic implications of search engine optimization]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 199, pp. 142–149. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2021-199-142-149> (In Russian)
- Alkhamash, R. (2021) The social media framing of gender pay gap debate in American women's sport: A linguistic analysis of emotive language. *Training, Language and Culture*, vol. 5, no. 4, pp. 22–35. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2021-5-4-22-35> (In English)
- Dunmoye, I. D., Rukangu, A., May, D., Das, R. P. (2024) An exploratory study of social presence and cognitive engagement association in a collaborative virtual reality learning environment. *Computers & Education: X Reality*, vol. 4, article 100054. <https://doi.org/10.1016/j.cexr.2024.100054> (In English)
- Enfield, N. J., Majid, A., van Staden, M. (2006) Cross-linguistic categorisation of the body: Introduction. *Language Sciences*, vol. 28, no. 2-3, pp. 137–147, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2005.11.001> (In English)
- Filyasova, Yu. A. (2022) Semanticheskoe pole perfektsionizma kak sotsial'no-psikhologicheskogo kontsepta v nauchnom diskurse [A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika — RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 382–395. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395> (In English)
- Goddard, C., Wierzbicka, A., Farese, G. M. (2022) Kontseptual'naya semantika “deneg” i “denezhnykh glagolov” [The conceptual semantics of “money” and “money verbs”]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 7–30. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27193> (In English)
- Kiklewicz, A. (2022) Tipologiya pragmaticheskikh implikatsij s tochki zreniya vzaimodejstviya mezhdru pragmatikoj i semantikoj [Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 139–161. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538> (In Russian)
- Kushneruk, S. L., Kurochkina, M. A. (2022) Gorodskaya identichnost' skvoz' prizmu mediafrejmirovaniya [Urban identity through the prism of media framing]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika — RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 1005–1019. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1005-1019> (In English)
- Malyuga, E. N. (2023) Korpusnyj podkhod k issledovaniyu korporativnoj kommunikatsii [A corpus-based approach to corporate communication research]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 152–172. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-33561> (In English)
- Radyuk, A. V. (2022) Accounting terminology in English economic discourse (based on India's the Company Act 2013). *Training, Language and Culture*, vol. 6, no. 4, pp. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-4-9-19> (In English)
- Sun, X., Bogdanova-Beglarian, N. V. (2023) Spetsifika postroeniya tsepoček pragmaticheskikh markerov pri perevode russkikh khudozhestvennykh tekstov na kitajskij yazyk [Translating Russian fiction into Chinese: The specifics in building chains of pragmatic markers]. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 1, pp. 211–221. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221> (In Russian)
- Vasileva, G. M. (2023) Ekologiya: kognitivnye osnovy slovoobrazovatel'noj dinamiki (po dannym tolkovykh slovarj russkogo yazyka XX–XXI vv.) [The word “ecology”: The cognitive basis of derivational dynamics (according to Russian explanatory dictionaries of the 20th–21st centuries)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 208, pp. 222–229. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2023-208-222-229> (In Russian)

UDC 372.881.111.1

EDN XIRXJE

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-129-135>

The potential of task-based language teaching in developing university students' soft skills

A. A. Powell

¹ Novosibirsk State Technical University, 20 Karl Marx Ave., Novosibirsk 630073, Russia

Author

Anna A. Powell, SPIN: 3789-0746,
ORCID: 0000-0001-6741-6615;
e-mail: sendinittoanna@gmail.com

For citation: Powell, A. A. (2024)
The potential of task-based language
teaching in developing university
students' soft skills. *Language Studies
and Modern Humanities*, vol. 6,
no. 2, pp. 129–135.
[https://doi.org/10.33910/2686-
830X-2024-6-2-129-135](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-2-129-135)
EDN XIRXJE

Received 31 May 2024; reviewed
4 July 2024; accepted 9 July 2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © A. A. Powell (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The present article is concerned with the complexity of the development of university students' soft skills. The terms “hard” and “soft” skills refer to a number of industry-specific and non-industry specific skills that are widely discussed in professional and academic settings and are enclosed in competence-based system of university education in the Russian Federation. The complexity of the matter is shaped by a number of linguistic and non-linguistic factors presented and discussed within the article. As supporting evidence the author provides theoretical implications from the field of Second language acquisition, instructed second language acquisition, neuro-linguistics as well as the results of the author's own research. The findings regarding the way university students view language learning process and strategies they choose build the objective ground for the author to evaluate the benefits and drawbacks of naturalistic and synthetic language teaching approaches in regard with hard skills and soft skills' development. The article suggests task-based language teaching and task-supported syllabus design as a potential solution to the contradictions and challenges outlined. The author then provides an example of a pedagogical task which can be built within a set university syllabus, supporting the suggestions made with description of the stages that the task can be broken into and rationale for each of them that would when put together guarantee university students' soft skills development.

Keywords: task-based learning, soft skills, hard skills, form-based instruction, meaning-based instruction, target language

Introduction

The modern higher education system of our country is currently challenged by a number of factors. As the world is going through major economic and technological changes, labour market demands change accordingly. Though conceptually existing before, the terms “hard” and “soft” skills were coined in the 1970s and since then have exhibited increasing popularity. “Hard skills” refer to knowledge and abilities unique to a particular profession while soft skills are non-industry-specific (Donovan 2024). Thus, coding skills can be attributed to the “hard skills” of a programmer; the knowledge of grammar and phonetics to the “hard skills” of a language teacher, etc., while skills like critical and creative thinking, teamwork, time management, adaptability would be relevant for

both professions and are therefore attributed to the “soft skills”.

The academic reality of the Russian Federation higher education system is competence-based and is focused on a freer development of a person (Zimnyaya 2009, 7). The competences set by State Educational Standards and university programs can easily be broken down to a list of clear soft and hard skills that Bachelor degree graduates are expected to develop during their university course. Speaking of the modern trends in soft skills development L. D. Kozyreva suggests to classify soft skills in terms of three categories: skills defining personal traits (time-management, responsibility, discipline, etc.); skills defining cognitive development (flexibility, creativity, critical thinking, etc.); skills defining professional settings relationships (emotional intelligence, communicative skills, leadership, etc.). The

author concludes that soft skills act as a key factor of successful employment, provide competitive advantages (Kozyreva 2021, 107).

While the present research is primarily concerned with the development of students' soft skills, the data and implications made could not be fully objective if the development of hard skills was completely overlooked. Thus, the present article is aimed at:

- describing the complexity of soft skills development in university students;
- understanding the underlying difficulties of effective university syllabus design;
- analyzing the way university students view the process of language acquisition referencing hard and soft skills development;
- providing the justification supporting the potential of task-based learning in managing the challenges described.

Theoretical framework

When it comes to the simultaneous development of hard and soft skills within competence-based university programs, a number of complications seem to arise. The necessity to develop university students' hard skills which are the ground of their future professions, often shapes the structure and the form of a university syllabus. When it comes to foreign language teaching, most of the courses are undoubtedly based on a specific (or a number of) course books. As Craig Thaine points out in his teacher resource book, most course books today subscribe to some form of the communicative approach, and are arguably now more standardised. Despite being regularly used and well-designed, modern course books still seem to raise a certain degree of concerns. The most common criticism relates to their inability to meet the needs of specific learner groups or to reflect the local context in which learning is taking place (Thaine, Thornbury 2020, 2). Tomlinson questions the sufficiency of evidence to indicate that course books do or do not bring about "durable language acquisition" (Tomlinson 2016).

Structural courses do evidently possess a wide number of benefits. They can easily be fit into a timeframe of a university course, they support the teacher, optimize their preparation time and consider the importance of measurable skill building. However, there are a number of drawbacks that cannot be overlooked. The theory of Second Language Acquisition (SLA) and Instructed Second Language Acquisition (ISLA) speak of the importance of distinguishing students' explicit and implicit competences. According to M. Paradis ex-

PLICIT knowledge is acquired consciously and can be verbalised on demand, while implicit knowledge is obtained incidentally, at the moment when a learner is focusing on something else (Paradis 2004, 8). R. Ellis supports this idea, agreeing that learning takes place both intentionally and incidentally (Ellis, Shintani 2014, 10). He admits the importance of focus on form but advises against synthetic approaches to language learning. Following his ideas, M. Long states that the analytic approach to language learning combined with focus on form captures the advantages of focus-on-meaning approaches while simultaneously avoiding their shortcomings (Long 2015, 29). The statements made above highlight the challenges that are to arise in case the linguistic skill building is treated as a mere process of converting input into output.

Additionally to hard skills development, as it was stated in the first section of the article, university teachers are also challenged to develop students' soft skills within the competence-based paradigm. According to the OECD report on skills and social progress, there is principal importance of emotional and communicative skills development for the students' future life and career success (Skills for social progress... 2015). Moreover, following the findings of the Third UNESCO World Higher Education Conference which took place in Barcelona (Spain) in 2022, A. Almazova, E. Erokhina, V. Chertov and O. Sharonova speak of the essentiality of academic freedom for students to take part in discussions to exercise solving challenging issues while studying at university. The authors also speak of skills like critical thinking, creativity and research being in the top five key principal actions which are needed if we are to modernise the field of higher education (Almazova et al. 2022). Expanding on the idea of academic freedom, the role of the teacher in the educational process comes into view. It has been stated that acting as a mentor and not allowing university students to openly disagree and engage in debates leads to them in their dependant position imitating knowledge acquisition which can subsequently transform into the underlying attitude to their future professional duties (Chevtaeva et al. 2020).

Considering the complexity of hard skills development within the findings of SLA theory and necessity to develop students' soft skills, teachers and methodologists may be driven to opt for less formal and structural but more naturalistic syllabuses and/or approaches to language teaching which would consider some of the aspects of hard skill development mentioned above and would certainly allow soft-skills development. However, as M. Long points out, university students are at the

age when their natural capacity for language acquisition is lower than that in children which makes naturalistic approaches to language teaching within a time-limited university course less effective (Long 2015, 50).

McGrath highlights the importance of making a distinction between a course book and the way it is used, saying that a course book resembles a map for teachers to follow; they can offer variety in terms of topics; and they can save teachers a lot of time (McGrath 2016). He provides a useful framework for course book adaptation:

- the teacher completely changes what is in the course book — the contexts, the language and the methodology (adaptation as change);
- the teacher adds to the course book material in some way either when planning the lesson during its delivery (adaptation as addition) which can be further broken down: Extemporisation: as spontaneous respond to a learning event during the course of a lesson; Extension: providing the students with supplementary materials; Exploitation: the teacher exploits the materials in the book in a slightly different way.

Teachers' professional lives are busy and changing material involves finding something that is appropriate and then creating tasks and activities that turn it into a learning resource. This is why the focus of the present research is on Task-based language teaching (TBLT) and the rationale behind task-supported syllabuses.

A task is a piece of classroom work which involves learners in comprehending, manipulating, producing, or interacting in the target language while their attention is principally focused on meaning (Nunan 1989). The key concepts of pedagogical tasks were determined by P. Skehan back in 1998. According to which, within a pedagogical task the meaning is primary over the form; the task mirrors real world activities which are relevant to a specific course/training or a specialist; the assessment of the task is done in terms of its outcome not its linguistic accuracy (Skehan 1996).

There would usually be a gap in the opinion, information or reasoning for the students to fill and a communicative problem to solve. An opinion gap task suggests a difference of opinion between students which leads them into a discussion on the matter where they are to agree or disagree and/or give reasoning. An information gap means that the students possess different information/pieces of one concept/idea when they are working on a common goal. In reasoning gaps, students have to figure out the gap between current and future knowledge.

Tasks can be one-way, where the student possesses all of the information to complete the task; or two-way, where all the participants are simultaneously involved; open or close, based on whether or not they have a predetermined outcome; output-based and input-based depending on whether the task is set to produce the result by primarily engaging in either speaking/writing or reading/listening.

Research methods and results

The theoretical observations provided in the previous section of the article set the ground for further research aimed at evaluating the complexity of soft skills development reality in university students of linguistics and foreign language teaching (LT). Thus, students of Linguistics and LT were asked a series of questions regarding soft skills development, form-based and meaning-based education after which the results were summarised, assessed and a number of conclusions were made. Our earlier research discovered that 85.7 % out of 35 students found it difficult to simultaneously control the meaning and the form when speaking in a foreign language (Powell 2023). This year we increased the number of participants to 93 and asked the same question. Surprisingly, the final result did not change much and remained at 84 %. The most interesting discovery, however, presented itself when the results were first filtered by the year of study and then by students' language abilities, both of which are presented below in table 1.

As it can be clearly seen in the table, there is no correlation between the year of studying and the degree of complexity that simultaneous meaning-based and form-based learning cause in students. This is an important discovery since when taught, university students are often generalised by the year of studying. However, when the same data is presented by the level of language aptitude, there is a clear tendency to be seen: the higher the students' level is, the easier it becomes and the more the proportion within the positive answer changes towards "sometimes" rather than the firm "yes". These findings are important because they represent the non-homogeneousness of the university groups. Despite their age, students come to universities with different language abilities. Then some of them may apply more effort than others when studying and therefore improve faster. Some might take a gap year and return later. Additionally, students have different cognitive abilities, learning experiences, psychological differences and they choose to apply different learning strategies. This suggests that instead of searching for an approach that would concentrate on students' similarities, it seems more

Table 1. The difficulty of simultaneous focus on meaning and form in students of linguistics and language teaching, %.

Is it difficult to simultaneously control grammar and vocabulary?				
	yes / sometimes			no
	Total:	yes	sometimes	
C1	71,4	14,3	57,1	28,6
B2	79,2	27,1	52,1	20,8
B1	92,6	40,7	51,9	7,4
Year 1	73,2	26,8	46,3	26,8
Year 2	92,9	42,9	50,0	7,1
Year 3	90,5	23,8	66,7	9,5
Year 4	84,6	30,8	53,8	15,4

desirable to provide opportunities to effectively address their differences.

Further in the research, we concentrated on the complexity of the soft skills development on its own. The first-year students were asked to tell which soft skills they experienced difficulties with before they started their university course. The most frequent answers are presented in fig. 1.

The data presented highlights the diversity of students' needs within one university year and therefore the importance of considering students' individual differences when building course syllabuses.

Another interesting tendency was discovered when the students of linguistics and LT of the second, third and fourth years were asked to state their current difficulties. When their responses were summarised, it could be clearly seen that as students

progress through their university courses, the number of soft skills that cause difficulties gradually decreases, while some disappear completely from the chart. These were: interpersonal and communication skills, creative thinking and team-work, while time-management remained, though the frequency decreased.

It is important to state that the language program at NSTU though following one general syllabus allows time and space for teaching variation and developing creativity in students. That is why it is generally not surprising that many of the students' soft skills are developed by the 4th year of studying. However, it suggests the importance of expanding the survey over a wider range of universities in order for the data to be more objective.

While there is a clear tendency to be seen, it is still a product of generalisation. The numbers

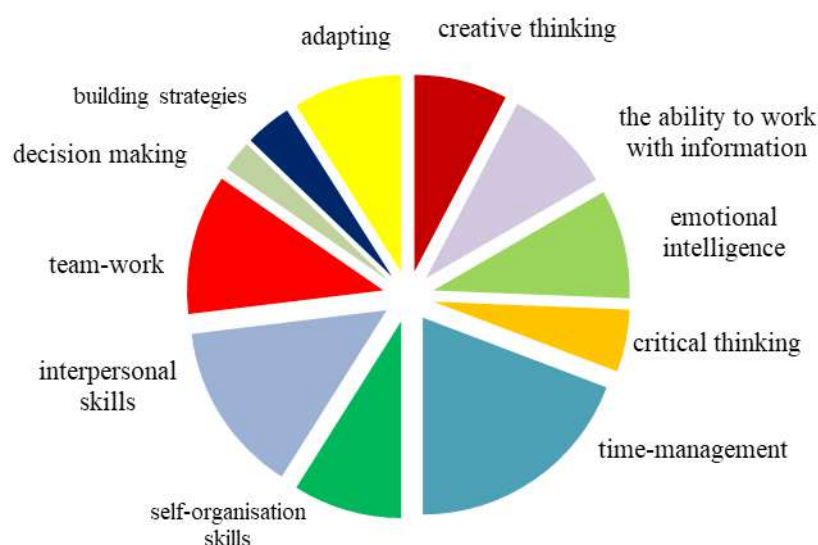

Fig. 1. Most challenging soft skills for first-year students of linguistics and language teaching

received and referenced represent real students, who made different choices when answering questions, though potentially studying within one group. Thus, offering little space for variation within tasks would benefit some of them and overlook the others. That is why there is a clear need to develop effective approaches to syllabus design that would simultaneously guarantee hard and soft skills development within a non-homogeneous and non-over-generalised groups of students.

Later in the research the participants were also asked whether in their opinion having predetermined target units to be used when completing a communicative task slows down the development of soft skills. The results were assessed both by the year of study and the language ability and there is a matching tendency. The further the students were in the university programme, the more of them gave a positive answer — from 34,8 % for year 2 to 41,7 % for year 4, while the first-year students divided equally. Nonetheless, by year 4 more than a half of the students still do not think that form-based learning slows down the development of their soft skills. The same tendency could be observed when the results are filtered by the language ability, meaning, the higher it is, the more students give positive answers, being at the level of 33,3 % in B1 students and reaching 50 % in C1 students.

The data received should undoubtedly be studied further as students of different years and language aptitudes may think of certain soft skills when answering this question which may affect the answer they give. However, it clearly shows their general attitude to the idea of form-based learning that once they progress through the university course and/or improve their language ability, they start to consider form-based learning to be slightly more limiting than they did before. It is also important to state that common soft skills should be specified and their additional components should be determined when it comes to educating the students of pedagogy as many of the common soft skills exhibit unique nature as professional skills for a teacher (Almazova et al. 2022).

Moreover, the participants were asked whether in their opinion having predetermined target units to be used when completing a communicative task contributes to the development of their hard skills. Repeating the same pattern, the results were assessed both by the year of study and the language ability. In the case of this question, when filtered by language ability and by the year of study, within each group the majority of the participants gave positive answers. Being at the level of 73,1 % in first-year students, the number went down to 65,2 % in second-year students before it started

to increase again, reaching 73,7 % in the third year and 75 % in the fourth. When filtered by language ability, the tendency is also complex, 66,7 % of B1 students think that form-based learning develops hard skills. This number peaks at 77,3 % in B2 students before it decreases slightly to 75 % in C1 students.

Interestingly enough, when asked whether or not they find having predetermined target units to be used when completing a communicative task beneficial, only 46,2 % of the students gave a positive answer. When contrasted to the findings presented above, where around 72 % of the students on average understand that form-based learning contributes to hard skills development and around 60 % of them on average do not agree that it slows down the development of soft skills a number of conclusions can be made.

Though university students understand the benefits of form-based learning for the development of hard skills, over a half of them find it limiting for various reasons. Thus, they do not stand against form-based learning as such; it is more likely that the way they should be instructed and assessed must be reconsidered. Additionally, fewer students gave positive answers to the question about the effects of form-based learning on the development of soft skills. Though, the majority of them disagreed with the statement, the number of students who did not think that form-based learning slows down the development of soft skills was lower than the number of students who agrees that it develops hard skills.

All of the results presented within the current article highlight the complexity of learning a foreign language within a university programme. Having one set formal syllabus for all of the students is not going to bring the desirable and expected results for all of the reasons stated above and we are of the opinion that language teaching approaches like TBLT and specifically task-supported syllabuses may possess a great deal of potential.

A task-supported syllabus is regarded to be a more conventional way to design a syllabus as opposed to a task-based syllabus. In this approach tasks play a supporting role to the set syllabus that can be based on a chosen course book. Within such syllabus, tasks are designed additionally to the course syllabus representing activities that enable the students to apply the language they have acquired, while completing a task that reflects certain real world situations. In this case, some of the course assessment can be done in terms of the tasks' outcomes that are set as a part of the course syllabus. The main difference between a standard controlled practice activity and a TBLT task within task-

supported syllabus is that the assessment of the task is done in terms of its meaning-based outcome.

For instance, when working with Roadmap course book set, Module 2B “Running wild”, concerning problems that modern teenagers face; the students were working with the course book materials and the target language of the unit which included such collocations as “tackle the problem”, “increase funding”, “take action”, “ban the use of”, etc. Once the work with the module was completed, the students were asked to create a list of problems that young adults face today. The problems suggested were discussed with no specific focus made on the target language of the module. However, it is entirely up to the teacher to naturally insert target units into their speech as the topic of the pedagogical task is discussed. After the brief discussion the task was introduced. The students were asked to research one of the problems suggested. They were instructed to provide some statistics to prove the actuality of the problem and develop a 5-step action plan that can be taken in order to address the existing problem. A pedagogical task designed this way allows a great deal of soft skills development and hard skills application. It begins with the freedom in terms of decision making when choosing the problem to work with. Then the students are to work with information to support their choices, which may lead to more decision-making and critical thinking. Once the information was found they were instructed to develop a presentation to be delivered in front of the class. This stage clearly focuses on creativity and communicative skills. After the presentation there was group discussion and further questioning. All of the work was done in English, which allows free and contextual hard skills application within and outside the target language.

The work pattern outlined above can be broken down to the three generally accepted stages of a task-based sequence: a pre-task stage, a during-task stage and a post-task stage. A pre-task stage was concerned with the lead-in for the topic of the task and building of the motivation and interest which then proceeded to the instructions to the task. It is important to note that these instructions should strictly be meaning-based not to turn a TBLT contextual experience into controlled form-based practice. The work then continued with the during-task stage when the students began to work on the task searching for the statistics and evaluating the information they found. This work can be done in class or at home depending on various factors and aims but it is advisable to build a complex post-task stage. This stage should be concerned with the delivery of the task outcomes which can be pre-

sented in speaking through a public presentation or in writing. The further work with the task outcomes may include voting, discussion or brainstorming. This can also be the ground for team-work and leadership skills development. The post-task stage may also be built around form which eliminates the risk of students treating the task as mere target language practice or them being limited by the necessity to apply certain target language, though keeping this option open in case they willingly choose to turn to it.

Conclusion

In conclusion it is principal to say that being in academic and professional focus, soft skills development alone comprises only a part of the competence-based reality of university education in our country. The data received from the present research highlights the complexity of language learning and skill development as viewed by students' of linguistics and LT. Along with the theoretical implications of the SLA and ISLA theories as well as modern labour market and educational trends these findings determine the evident necessity of simultaneous consideration of soft and hard skills development in students of linguistics and LT when working on the syllabus design.

Task-supported syllabuses provide great opportunities for soft skills and hard skills development that neither formal learning, nor freer but structural approaches can provide. It satisfies the complexity of language acquisition, considers students' individualities as they get to make their own decisions, organise their own work, and apply learning strategies of their own choice while also allows them to exercise and develop a wide range of soft skills.

When designing a task-supported syllabus, the types of tasks are to be referenced with the universal and professional competences that are to be developed within the university programme. This approach to syllabus design ensures that the educational process is relevant to the students' future professions and the changing world outside the classroom and undoubtedly provides them with competitive advantages both in terms of their hard and soft skills.

List of Abbreviations

- ISLA — Instructed Second Language Acquisition
- LT — language teaching
- SLA — Second Language Acquisition
- TBLT — Task-based language teaching

References

- Almazova, A. A., Erokhina, E. L., Chertov, V. F., Sharonova, O. V. (2022) Klyuchevye aspekty formirovaniya “myagkikh navykov” u budushchikh pedagogov [Key aspects of the formation of “soft skills” in future teachers]. *Nauka i shkola — Science and School*, no. 6, pp. 259–268. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-6-259-268> (In Russian)
- Chevtava, N. G., Nikitina, A. S., Vishnevskaya, A. V. (2020) Kul'tura kommunikatsii prepodavatelya i studenta kak matritsa formirovaniya “soft skills” vypusknika [Communication culture as a matrix for graduate’s “soft skills” development]. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 12, pp. 33–44. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44> (In Russian)
- Donovan, B. (2024) Soft skills. *Britannica money*. [Online]. Available at: <https://www.britannica.com/money/soft-skills> (accessed 13.04.2024). (In English)
- Ellis, R., Shintani, N. (2014) *Exploring language pedagogy through second language acquisition research*. London: Routledge Publ., 400 p. <https://doi.org/10.4324/9780203796580> (In English)
- Kozyreva, L. D. (2021) Osnovnye trendy razvitiya soft skills [Main trends in the development of soft skills]. In: N. G. Skvortsov, R. V. Karapetyan (eds.). *Transformatsiya truda v (de)globaliziruyushchetsya obshchestve: sbornik nauchnykh statej [Labor transformation in (de)globalizing society: Collection of scientific papers]*. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ., pp. 104–111. (In Russian)
- Long, M. (2015) *Second Language acquisition and task-based language teaching*. Malden: Wiley-Blackwell Publ., 439 p. (In English)
- McGrath, I. (2016) *Materials evaluation and design for language teaching*. 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 344 p. (In English)
- Nunan, D. (1989) *Designing tasks for the communicative classroom*. Cambridge: Cambridge University Press, 211 p. (In English)
- Paradis, M. (2004) *A neurolinguistic theory of bilingualism*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 299 p. <https://doi.org/10.1075/sibil.18> (In English)
- Powell, A. A. (2023) Nedostatki modeli “PPP” dlya razvitiya umenij spontannoi rechi i vozmozhnye puti ikh preodoleniya v aspekte nejrolingvisticheskikh, psikhologicheskikh i metodicheskikh obosnovanij [Drawbacks of the “PPP” model for the development of spontaneous speech skills and possible ways to overcome them on the basis of neuro-linguistic, psychological and methodical justifications]. In: I. S. Volegzhanina (ed.). *Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie: teoriya i praktika. Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Continuing professional education: Theory and practice. Proceeding of the XII International scientific and practical conference]*. Novosibirsk: Siberian Transport University Publ., pp. 129–140. (In Russian)
- Skehan, P. (1996) Second language acquisition research and task-based instruction. In: J. Willis, D. Willis (eds.). *Challenge and change in language teaching*. Oxford: Heinemann Publ., pp. 17–30. (In English)
- Skills for social progress: The power of social and emotional skills. (2015) *OECD Skills Studies*. [Online]. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/skills-for-social-progress_9789264226159-en.html (accessed 13.04.2024). (In English)
- Thaine, C., Thornbury, S. (2020) *Off the page. Activities to bring lessons alive and enhance learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 304 p. (In English)
- Tomlison, B. (2016) Achieving a match between SLA theory and materials development. In: *SLA research and materials development for language learning*. New York: Routledge Publ., pp. 3–22. <https://doi.org/10.4324/9781315749082> (In English)
- Zimnyaya, I. A. (2009) Klyuchevye kompetentsii — novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competences — a new paradigm of educational results]. *Experiment i innovatsii v shkole*, no. 2, pp. 7–14. (In Russian)